

ХОЗЯЙКА ПОЛОВОДЬЯ

АНДРЕЙ СЕВЕРСКИЙ

Андрей Северский

Хозяйка половодья

«Автор»

2026

Северский А.

Хозяйка половодья / А. Северский — «Автор», 2026

Ярина Ветлица унаследовала власть над Зимником — водохранилищем, от которого зависит вся долина. Но лёд трескается, весенний паводок приходит раньше срока, а каждое новое удержание стирает её личные воспоминания. Изгнанный проводник Радан Межень знает, как открыть реке путь. Он же хранит последнее воспоминание отца Ярины, которого много лет считали погибшим. Чтобы спасти шесть речных общин, врагам придётся раскрыть семейную тайну, вернуть право голоса исключённому берегу и отказаться от порядка, где безопасность оплачена чужими именами. «Хозяйка половодья» — самостоятельное романтическое славянское фэнтези о равных противниках, опасной весне и любви, которая не отменяет границ, последствий и права каждого на собственный выбор.

© Северский А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Глава 1. Трещина под колоколом	6
Глава 2. Человек с нижнего русла	13
Глава 3. Пять голосов	20
Глава 4. Украденная оттепель	28
Глава 5. Клятва на трёх водах	38
Глава 6. Имя, которого нет	44
Глава 7. Цена удержания	52
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Андрей Северский

Хозяйка половодья

От автора

Половодье легко представить бедствием: вода выходит из привычных берегов, стирает дороги, заставляет людей оставлять дома. Но для реки разлив — не ошибка. Он возвращает земле ил, открывает боковые русла и напоминает, что безопасность, построенная на вечной неподвижности, тоже имеет цену.

Эта история родилась из вопроса о том, кому принадлежит обещание после того, как оно стало опорой для других. Можно ли отказаться от клятвы, если на ней держится целая долина? И можно ли назвать любовью связь, в которой один заранее решает, чем обязан пожертвовать другой?

Мир Вежицы вымышлен. Его обряды, речные законы, имена сил и устройство водной памяти не являются реконструкцией конкретной народной традиции. В книге слышны отголоски северных рек, весеннего льда и общинной жизни, но сюжет и магия созданы для этого романа.

«Хозяйку половодья» лучше читать как историю двух взрослых людей, которые умеют спорить не меньше, чем чувствовать. Ярина и Радан не должны раствориться друг в друге, чтобы стать близкими. Им предстоит научиться видеть чужую цену, оставлять другому выход и принимать последствия собственного выбора.

Вода здесь помнит каждое обещание. Людям остаётся решить, должны ли они помнить его так же.

Глава 1. Трещина под колоколом

Колокол над Зимником ударил один раз — и замолчал, будто сам испугался собственного голоса.

Ярина стояла у края погребального круга, держа ладонь на крышке материнского гроба. Под рукавицей дерево казалось тёплым. Нелепость: три дня назад мать вынесли из хранилища дома холоднее февральского камня, а теперь просмолённые доски нагрелись от свечей и людского дыхания. Будто тело внутри ещё могло согреть их в ответ.

Вокруг молчали жители пяти селений. Они заполнили площадку перед плотиной до самых снеговых столбов: старики в белёных тулупах, старосты с серебряными застёжками, дети, которых подняли на руки, чтобы они запомнили переход власти. На другом берегу темнели ворота Зимника. За ними лежала вода, запёртая на зиму между скалами, — тяжёлая, недвижимая, укрытая льдом толщиной в человеческий рост.

Второго удара не последовало.

Ярина подняла глаза к звоннице. Верёвка свисала неподвижно. Колокольный смотритель Данко обеими руками налёг на неё, но язык внутри медного колокола не двигался.

По толпе прошёл шёпот.

— Не тяни, — тихо сказала Злата.

Она стояла справа от сестры, слишком прямая для своих девятнадцати лет. На ней был материнский праздничный платок — синий, с серебряными нитями по краю. Утром Злата трижды его перевязывала и трижды спрашивала, не выглядит ли она ребёнком. Теперь платок сполз на бровь, но поправить его она не решалась.

Ярина убрала ладонь с крышки.

— Он должен ударить трижды.

— Мама не встанет спорить, если будет два.

— Люди встанут.

Злата посмотрела на Старший круг. Пятеро старост и посадница Милолика ожидали под навесом, не смешиваясь с остальными. Милолика держала перед собой хранилищный знак — плоский круг из речного стекла в оправе из тёмного серебра. Ещё вчера он висел на груди матери. Сегодня его предстояло принять Ярине.

Посадница заметила взгляд сестёр и сделала Данко короткий знак.

Смотритель отпустил верёвку, спустился по лестнице и приблизился к кругу, тяжело переставляя ноги.

— Язык примёрз, Хозяйка, — произнёс он и осёкся, поняв, как назвал Ярину. — Будущая Хозяйка. Внутри иней схватил.

— В полдень? — спросила Ярина.

Данко потёр безымянный палец, где кожа была содрана верёвкой.

— Ночью крепко прихватило.

Ложь вышла плохой. Ночью было теплее, чем всю последнюю неделю. С юга тянул сырой ветер, на крышах впервые закапало, а возле нижних ворот снег просел до серой крупы.

Ярина посмотрела на колокол. Его отлили вместе с первым затвором плотины и повесили точно над старым швом. Каждый удар расходился по льду и возвращался чистым звоном, если Зимник держался крепко. Мать учила различать этот ответ раньше, чем позволила Ярине самой спускаться к воротам.

Первый удар не вернулся.

Он ушёл куда-то вниз.

— Продолжим без колокола, — сказала Милолика.

Её голос не был громким, но толпа сразу затихла. Посадница вышла из-под навеса. На её седых волосах не таяло ни одной снежинки. — У покойной должен быть путь, у живых — Хозяйка. Долина не может ждать, пока Данко победит иней.

Несколько человек нервно рассмеялись. Ярина видела, зачем Милолика подарила им эту усмешку: страх, которому дали смешное имя, легче загнать обратно под рёбра.

— Второй и третий удары нужны не матери, — возразила Ярина. — Они проверяют шов.

— Шов проверяли вчера.

— Кто?

Милолика не ответила сразу. Между ними лежал гроб, и Ярине показалось, что мать снова присутствует при их споре — только на этот раз не встанет между ними, не положит пальцы на запястье дочери, предупреждая: сначала узнай, чего боится противник.

— Твоя мать, — сказала посадница. — Перед смертью.

Толпа качнулась, словно ветер разом надавил на сотню спин.

Ярина услышала, как Злата втянула воздух.

— Она три дня не вставала с постели.

— Хозяйка проверяет Зимник не ногами.

Милолика подняла стеклянный знак. В мутной глубине дрогнула белая нить. Один её конец тянулся к плотине, другой будто уходил сквозь оправу в ладонь умершей.

— Лада Ветлица исполнила долг до конца. Теперь исполни свой.

Вот чего ждали люди. Не прощания. Не правды о том, почему здоровая женщина угасла за одну седмицу. Они пришли увидеть, как пустое место в запоре будет занято прежде, чем вода заметит слабину.

Ярина развязала ленту у изголовья. По обычаю ближайшая родственница должна была первой столкнуть гроб на ледяной спуск, откуда сани отвезут его к родовой роше. Но крышка не сдвинулась. К дереву примерзла тонкая белая нить — такая же, как внутри знака.

Ярина провела по ней пальцем. Нить лопнула без звука, и в тот же миг под площадкой что-то щёлкнуло.

Не лёд на реке. Камень.

Она почувствовала толчок подошвами.

— Злата, отойди от гроба.

— Что?

— К людям. Сейчас.

Сестра увидела её лицо и не стала спорить. Сошла с круга, но остановилась в первом ряду, рядом с Данко.

Ярина опустила на колено возле колокольного основания. Каменные плиты здесь всегда покрывал сухой белый иней. Мать говорила: пока иней не темнеет, старый шов цел. Сегодня под медной стойкой блестела узкая влажная полоса.

Ярина сняла рукавицу и коснулась её.

Вода была тёплой.

Она отдернула руку. Капля на пальце вытянулась к ногтю, хотя ладонь была наклонена вниз, потом поползла обратно — к плотине.

— Данко, уводи людей с площадки, — сказала Ярина.

— Обряд не окончен, — напомнила Милолика.

— Под колоколом вода.

Теперь смеха не было.

Данко шагнул ближе, увидел мокрый шов и побледнел. Он повернулся к толпе, уже набирая воздух для команды, но Милолика подняла руку.

— Если сейчас объявить трещину, на нижней дороге начнётся давка. Здесь старики и дети. Сначала знак.

— Если плита уйдёт, давить будет некому.

— Без принятой Хозяйки ты не удержишь даже малую течь.

Ярина знала, что посадница права. От этого хотелось спорить ещё сильнее.

Знак нельзя было принять второпях. Хозяйка называла у трёх чаш своё имя, имя матери и того, кого боялась забыть больше всего. Снег, текущая вода и пар запоминали обещание. Затем новая хранительница получала право удерживать Зимник именами рода — и обязанность платить своей памятью, если потребует от льда больше, чем ему положено.

Мать годами повторяла: цена берётся только за лишнее. За жадность, страх, промедление. Если слушать лёд и вовремя отпускать воду, он не заберёт ничего.

Три дня назад Лада Ветлица не вспомнила имени младшей дочери.

К вечеру она умерла.

— Чаши, — сказала Ярина.

Милолика не позволила себе облегчённо выдохнуть. Лишь кивнула служкам.

На край погребального круга вынесли низкий стол. Первая чаша была наполнена свежим снегом, вторая — водой из Яровицы, третья стояла над угольями, и над ней вился пар. Ярина заняла место матери. За её спиной Данко и двое плотинщиков начали выводить людей небольшими группами. Посадница всё же согласилась на осторожность, но обряд не остановила.

— Назови себя, — велела она.

Ярина положила пальцы на холодный край первой чаши.

— Ярина Ладовна Ветлица.

Снег под её рукой осел и засиял голубым.

— Назови ту, чью ношу принимаешь.

Пальцы коснулись воды.

— Лада Мироновна Ветлица, моя мать, Хозяйка Зимника.

Вода поднялась тонким кольцом вдоль стенок чаши. Перед глазами возникло материнское лицо — не мёртвое, а сердитое и живое. Мать сидела на кухонном столе, болтая босой ногой, и смеялась над чем-то, что маленькая Ярина сказала...

Воспоминание исчезло раньше, чем она успела услышать слова.

Ярина пошатнулась.

— Что ты увидела? — спросила Милолика.

— Ничего.

— На переходе нельзя лгать воде.

— Я не воде отвечала.

По лицу посадницы прошла тень. Но она протянула знак над третьей чашей.

— Назови того, чьё имя удержит тебя человеком.

Злата стояла уже за оградой. Ветер сорвал с её головы синий платок; она поймала его, прижала к груди и, встретившись с Яриной взглядом, едва заметно покачала головой.

Не меня.

Они обе знали, что это ничего не изменит. Названное имя не становилось платой само по себе. Оно лишь показывало, где лежит край, за который Хозяйка не хочет заходить. Мать назвала их отца — и однажды забыла сначала его голос, потом руки, потом само имя. Возможно, потому в родовой книге строку о нём выскоблили так старательно, что пергамент просвечивал.

Ярина коснулась пара. Жар обнял пальцы.

— Злата Ладовна Ветлица. Моя сестра.

Пар свернулся вокруг запястья белой петлёй. Милолика опустила речное стекло ей на ладонь.

Боль пришла не от жара. Знак провалился в кожу ледяным краем, будто ладонь стала водой и приняла брошенный камень. Белая нить внутри стекла распалась на сотни тонких жилок. Они прошли вверх по руке, под ключицу, за глаза — и мир раскрылся другим чувством.

Ярина увидела Зимник.

Не гладкое белое поле за воротами, а толщу воды под ним: тёмную, тесную, полную медленных движений. Лёд лежал сверху, как ладонь на рту. В глубине тянулись серебряные нити родовых имён. Одни были ясными, другие истончились до паутины. Материнская нить обрывалась у старого шва.

Из обрыва текло.

— Трещина, — выдохнула Ярина.

Она шла не по поверхности. Раскололся камень внутри плотины, под самым колоколом, где сходились древний затвор и поздняя кладка. Вода нашла щель и пробовала её края, расширяя каждым толчком.

— Насколько велика? — спросила Милолика.

Ярина закрыла глаза, пытаясь измерить. Знак отозвался тяжестью. Трещина была тоньше пальца у верхнего края, но внизу расходилась, как корень дерева. И что-то давило на неё не со стороны Зимника.

Снизу.

— Велите открыть малый отвод, — сказала Ярина. — Снимем напор.

— До весеннего счёта нельзя.

— Вода не станет ждать счёта.

— Нижние поля не приняли разлив. Откроешь отвод без их голоса — затопишь озимые.

— Тогда разгружайте площадку и зовите каменщиков.

Милолика посмотрела за ограду. Большая часть людей ещё не успела уйти. Они не слышали тихого разговора, но видели лица. Стоило кому-нибудь побежать, и узкая лестница к селу превратилась бы в горло бутылки.

Под ногами снова щёлкнуло.

На этот раз влажная полоса прорезала плиту целиком. Из неё выступила вода и поползла к чашам — против уклона.

Колокол ударил сам.

Гул обрушился на площадку. Медный язык качнулся без верёвки, и из трещины у основания вырвалась тонкая струя. Люди закричали. Кто-то толкнул ограду. Данко раскинул руки, удерживая первый ряд, но сзади уже напирали.

— По одному! — крикнула Злата. — Не на лестницу! К санному спуску, там шире!

Её голос рассёк шум лучше колокола. Она забралась на пустые погребальные сани, вскинула синий платок, показывая направление. Несколько женщин подхватили команду. Толпа начала поворачиваться.

Ярина прижала знак к мокрой плите.

Лёд ответил сразу. Холод прошёл сквозь ладонь до плеча, вцепился в зубы. Серебряные нити натянулись, стягивая трещину, но материнский обрыв не держался. Для обычного зимнего давления хватило бы имён прежних Хозяек. Сейчас вода ударяла снизу, ломая порядок, которого Ярина ещё не понимала.

— Не удерживай одна, — сказал Данко. Он успел вернуться и теперь стоял над ней с крюком для затворов. — Я заклиню шов.

— Камень треснул изнутри. Крюк не достанет.

— Тогда отступи. Пусть уйдёт малая плита.

За плитой проходил погребальный спуск. Там Злата выводила детей.

— Не успеют.

Ярина нашла в глубине ближайшую родовую нить. Та отозвалась образом: летний день, двое девочек сидят на крыше хранительского дома. Злата лет восьми сосредоточенно вплетает ромашки в волосы старшей сестры и каждый раз прихватывает прядь слишком туго. Ярина жалуется. Злата говорит...

Что?

Слова были ясными, пока она не потянула нить.

Лёд сжался. Трещина стала уже. Струя у колокола замерла прозрачным стеблем.

Одновременно солнечный свет в воспоминании побелел. Исчезла крыша, исчезли ромашки, лицо сестры стало пятном.

Ярина отпустила нить.

Струя ожила.

— Ещё немного! — крикнула Злата с другого края площадки. Последняя старуха медленно спускалась с саней, цепляясь за её локоть. — Ярина, держи!

Так вот как это происходило. Не внезапная пустота и не милосердный сон. Цена стояла перед тобой открыто. Можно было отдёргнуть руку. Можно было позволить камню упасть, воде — смести тех, кто не успел уйти. Никто не заставлял.

Поэтому каждая Хозяйка говорила потом, что выбрала сама.

Ярина снова ухватила воспоминание.

На этот раз она пыталась оставить хотя бы одно: тепло нагретой крыши, запах ромашек, боль от натянутых волос. Лёд забирал не по частям. Серебряная нить прошла сквозь знак в трещину, и летний день выцвел целиком.

Плита под колоколом покрылась инеем. Каменные края сошлись. Вода втянулась в шов.

И сразу стало тихо.

Ярина лежала щекой на камне. Кто-то тряс её за плечо. Она знала голос Златы, узнавала каждую интонацию — и не могла понять, почему в распушенных волосах сестры застряла сухая ромашка.

— Ты откуда её взяла? — спросила Ярина.

Злата замерла.

— Что?

Ярина сняла цветок. Лепестки рассыпались от прикосновения. Наверное, ромашка лежала в складках синего платка с лета. Но почему сестра смотрела так, словно услышала приговор?

— Ничего. Показалось.

Она села. Ладонь горела. Речное стекло больше не лежало сверху: знак тёмным кругом проступил под кожей. От него к запястью тянулась одна белая черта.

— Первое удержание, — произнесла Милолика.

Посадница стояла рядом, опираясь на трость. В суматохе она потеряла одну серебряную застёжку, и ворот тёплого платья перекосялся. Впервые Ярина увидела её не властной, а старой.

— На моих похоронах тоже будете считать? — спросила Ярина.

— Если доживу.

— Мать знала о трещине.

Это не было вопросом.

Милолика посмотрела на гроб. Погребальные сани так и остались у круга, но теперь их окружала ледяная корка. Белая нить на крышке исчезла.

— Она знала, что шов слабеет.

— Поэтому умерла?

— Поэтому держала его, пока ты не смогла принять знак.

— Я могла принять его год назад.

— Ты могла носить стекло. Это не одно и то же.

Ярина хотела спросить, кто решил, что сегодня она вдруг стала способна. Но Злата стиснула её плечо. Под ногтями сестры была кровь — видимо, оцарапалась об ограду, когда выводила людей.

— Сначала закончим с мамой, — сказала она. — Потом вы обе будете лгать друг другу сколько захотите.

Милолика отвела взгляд.

Данко и плотинщики освободили сани ото льда. На этот раз Ярина и Злата вместе взялись за ленту. Гроб медленно сошёл с круга. Полозья закрипели по снегу, и люди, уже стоявшие вдоль безопасной дороги, опустили на колени.

Колокол ударил второй раз.

Теперь ему ответил тонкий гул из-под Зимника.

Третий удар вышел чистым.

Мать увозили к родовой роще, когда Ярина снова почувствовала движение под знаком. Не боль — лёгкое касание, будто течение проверило её ладонь и отступило.

Она не пошла за санями.

— Простись за нас обеих, — сказала она Злате.

— Ты обязана быть в роще.

— Я обязана понять, почему вода давила снизу.

— Сейчас?

Ярина посмотрела на скрывшийся за поворотом гроб. Хотелось побежать следом, сесть рядом с сестрой, дать старухам укрыть их одним шерстяным покрывалом, как в детстве. Но в памяти уже зияло место, краёв которого она не могла нащупать. Если мать умерла, закрывая такие провалы один за другим, скорбеть о ней у Ярины оставалась вся жизнь — сколько бы воспоминаний от этой жизни ни сохранилось.

— Именно сейчас.

Данко принёс фонарь и крюк. Милолика велела двум стражникам остаться, но Ярина отправила их осматривать верхний шов. К нижнему затвору они спустились втроём.

Лестница шла внутри плотины. Каменные стены здесь обычно покрывались сухим инеем, который хрустел под рукавом. Сегодня иней оплыл. В желобах бежали тонкие ручьи, и все они текли вверх по ступеням.

Данко перекрестил пальцы на рукояти фонаря старым плотинным знаком.

— Так не бывает.

— Уже бывает, — сказала Ярина.

У нижнего смотрового окна воздух пахнул илом. Зимой Зимник почти не пах: вода спала подо льдом, отрезанная от земли. Сейчас из узкой щели тянуло мокрой травой, глиной и чем-то зелёным, невозможным посреди снега.

Ярина приложила ладонь со знаком к камню. Трещина отозвалась. Она удерживалась льдом, но за ней билось другое течение — быстрое, тёплое, полное чужих голосов. Оно шло от нижней Яровицы к запертому водохранилищу.

Не половодье пыталось вырваться из Зимника.

Река поднималась к нему против собственного русла.

— Вчера у нижней решётки ничего не было? — спросила Ярина.

Данко слишком долго поправлял фитиль.

— Была ветка. Прибило поперёк прутьев.

— Снизу вверх?

— Я решил, завихрение.

— Что за ветка?

— Вербовая. С почками.

Ярина закрыла глаза. На дворе стоял последний месяц зимы. Вербa в долине просыпалась не раньше чем через шесть недель.

Из темноты за решёткой донёсся негромкий стук.

Три коротких удара. Пауза. Ещё один.

Не камень. Не лёд.

Так речные артели просили открыть смотровой затвор, когда подходили с нижнего русла.

Данко поднял фонарь. За железными прутьями вода текла вверх, к Зимнику, и несла на поверхности свежие зелёные листья.

А потом из темноты по ту сторону плотины мужской голос произнёс:

— Если новая Хозяйка уже приняла знак, скажите ей: весна пришла не с той стороны.

Глава 2. Человек с нижнего русла

— Имя, — потребовала Ярина.

За решёткой засмеялись — коротко, без веселья.

— Доброе утро и тебе, новая Хозяйка.

Данко поднял фонарь выше. Свет лёг на железные прутья, на чёрную воду между ними и дальше не прошёл. Смотровой затвор был не шире плеч: через него проверяли нижний желоб, но людей не пропускали со времён старого разлива. С той стороны не было ни лестницы, ни настила. Только отвесная стена плотины и река подо льдом.

И всё же кто-то стоял там, в темноте.

— Назовись, — повторила Ярина, — или я велю закрыть наружную заслонку.

— Закроешь — трещина раскроется прежде, чем твоя мать доедет до роши.

Крюк в руках Данко дрогнул.

Ярина шагнула к решётке.

— Откуда ты знаешь о трещине?

— Оттуда же, откуда пришёл.

— Против течения?

— Теперь это называется по течению.

В чёрной воде всплыло лицо. Мужчина держался за внешний край решётки одной рукой, другой упирался в камень. Мокрые волосы прилипли ко лбу, по скуле тянулась свежая ссадина. Он был без шапки, в тёмной куртке из промасленного полотна, и выглядел не как посланник весны, а как утопленник, которому надоело ждать, пока его найдут.

На шее у него висела костяная пластина с шестью насечками.

Данко выругался и выставил крюк.

— Меженник.

Мужчина перевёл взгляд на него.

— Ты всё ещё зовёшь нас так, будто от слова вода станет вашей.

Шесть насечек носили проводники изгнанной речной артели. В детстве Ярине запрещали даже рисовать этот знак: пять признанных селений заключили Зимник, шестое отказалось, и после катастрофы его имя вычеркнули из речного круга. Остались «меженники» — люди без берега, которых обвиняли в каждом сорванном затворе и каждом весеннем размыве.

— Руки на прутья, — сказала Ярина.

— Одна уже там.

— Обе.

— Тогда я утону.

— Значит, придётся говорить быстро.

Он посмотрел на неё внимательнее. Не на траурную одежду, не на мокрые волосы, выбившиеся из косы, а на белую черту под кожей запястья. Увидел первое удержание — и насмешка ушла из его лица.

— Радан Межень, проводник нижней Яровицы. Пришёл предупредить: через девять дней вода дойдёт до верхних ворот. Если к тому времени Зимник останется заперт, старый шов разойдётся до основания.

— До весеннего хода пять недель.

— Было.

— Кто отдал тебе голоса на проход через наши земли?

— Никто.

— Тогда ты не мог провести воду безопасно.

— Я её не вёл.

— Удобный ответ.

— Был бы удобным, останься я дома.

Радан отпустил камень и на миг скрылся под водой. Данко рванулся к решётке, но мужчина вынырнул ближе и просунул в щель руку. На каменный подоконник упал небольшой холщовый свёрток.

Ярина не коснулась его.

— Что там?

— Девять причин не спорить о календаре.

Данко концом крюка развязал промокший узел. В ткани лежали почки и семена: набухшая верба, проросший овёс, длинный белый корешок орешника, комок земли с живым дождевым червём. Всё было тёплым.

— Это можно вырастить у печи, — сказал Данко.

— Червя тоже? — спросил Радан. — Ловкий у вас печник.

Ярина взяла комок земли. От него пахло апрелем. Червь медленно стянулся у неё на ладони, оставив тёмный влажный след.

— Где ты это собрал?

— По нижнему руслу. В Берестяной заводи распустилась ольха. На Каменной отмели лёд ушёл за ночь. У Белого брода вода поднялась на две ладони и унесла лодку вверх по реке.

— Почему нижние селения не прислали своих старост?

— Потому что они ещё спорят, кто виноват. Потому что мост у Вороньей косы развернуло поперёк русла. Потому что ваши заставы не пропускают человека с шестью насечками.

— Но плотина пропустила.

— Плотина старая. У неё память длиннее запретов.

Ярина сжала землю в кулаке. Он говорил уверенно, но каждую деталь можно было подготовить заранее. Даже обратное течение могло быть работой артели: открыть забытый канал, поднять воду боковым затвором, напугать пять селений и вынудить их вернуть шестой голос.

Мотив был. Возможность — неизвестна.

— Данко, открой внутреннюю решётку.

Смотритель повернулся к ней всем телом.

— Хозяйка, это меженник.

— Я вижу.

— Их знак запрещено проводить за плотину.

— Я не провожу. Я задерживаю нарушителя.

За прутьями Радан прикрыл глаза.

— Вот теперь звучишь как настоящая Хозяйка.

— А ты ожидал, что я приму совет первого мужчины, который постучит мне из реки?

— Я ожидал, что ты посмотришь вниз.

— Посмотрю. Когда ты будешь по эту сторону решётки и без ножа.

Данко всё ещё не двигался.

— Открывай, — повторила Ярина. — Или он сорвётся, и мы потеряем единственного свидетеля нижнего русла.

Смотритель вставил крюк в подъёмное кольцо. Механизм не использовали много лет; цепь шла рывками, осыпая ржавчину. Когда решётка поднялась на локоть, Радан нырнул под неё и вывалился на каменный пол вместе с водой.

Он оказался выше, чем представлялось за прутьями, но стоять сразу не смог. Упал на колено, тяжело дыша, и позволил Данко отобрать короткий речной нож, моток тонкой верёвки и две костяные иглы. Другого оружия не было.

Ярина заметила у него на ладонях свежие надрезы. Не случайные порезы о лёд — по одному ровному надрезу у основания каждого пальца.

Следы отданных воспоминаний.

— Чьи голоса ты нёс? — спросила она.

Радан поднял голову.

— Ни чьи из твоих.

— Я спросила не об этом.

— А отвечать буду именно на это.

Данко заломил ему руку. Радан напрягся, но не попытался вырваться.

— Не ломай, — сказал он. — Ей ещё понадобится узнать, куда течёт вода.

— Для разговора хватит языка.

— Для разговора — да. Для реки нет.

Ярина взяла у Данко верёвку и сама связала пленнику запястья. Узел затянула плотинный: он слабел, если человек переставал сопротивляться, и впивался при резком движении.

— Ты задержан до решения Старшего круга.

— Круг соберётся после похорон, потом будет спорить до ночи, потом пошлёт людей считать льдины. Потеряешь сутки.

— Возможно.

— За сутки вода поднимется ещё на пядь.

— Возможно.

— Тебе нравится это слово?

— Оно честнее твоих девяти дней.

Радан посмотрел на речное стекло под её кожей.

— Девять дней — тоже честно. Просто тебе не понравится, чем я их считал.

Сверху ударил колокол. Один раз — сигнал тревоги, не похоронный звон. По лестнице загрохотали сапоги. Милолика явилась в сопровождении четырёх стражников; значит, кто-то из плотинщиков всё же доложил ей о голосе за затвором.

Посадница остановилась на последней ступени.

Она узнала Радана.

Это длилось всего мгновение: её пальцы сильнее сжали трость, а его лицо стало неподвижным. Но Ярина увидела.

— Кто это? — спросила Милолика.

— Радан Межень, — ответила Ярина. — Проводник нижней Яровицы. Вы с ним знакомы?

— Я знаю знаки артели.

— Я спросила не о знаке.

— А я ответила достаточно для человека, явившегося в день похорон через запрещённый затвор.

Радан поднялся. Связанные руки держал перед собой, не пряча порезов.

— День выбрала вода, посадница.

Милолика побледнела ещё сильнее.

— В темницу его.

— Сначала он покажет, что происходит под плотиной, — сказала Ярина.

— Ты приняла знак меньше часа назад.

— Поэтому вижу трещину, которую от меня скрывали.

Стражники замерли. Данко устался в пол.

Милолика подошла так близко, что говорить могла почти беззвучно:

— Не путай право Хозяйки с правом обвинять перед слугами.

— А вы не путайте похороны моей матери с возможностью назначить мне удобную слепоту.

Пауза стала опаснее крика. Радан наблюдал за ними, чуть склонив голову, словно отмечал расположение трещин в другой плотине.

Милолика первой отступила.

— Один показ, — сказала она. — Затем темница. Если он коснётся затвора или произнесёт клятву, стража имеет право ударить без предупреждения.

— Клятва без трёх вод не удержится, — заметил Радан.

— Поэтому ты приплыл насквозь мокрый?

Он улыбнулся, и на этот раз Ярина поняла: попал в точку не он, а посадница.

— Обыщите ещё раз, — приказала она.

В подкладке куртки нашли горсть снега, завернутую в вощёный лист, и плоскую медную чашечку. Пар можно было получить от дыхания. Радан принёс с собой всё для речной клятвы.

Ярина забрала свёрток и чашу.

— Теперь показывай.

Они поднялись на наружную галерею нижних ворот. Здесь плотина нависала над Яровицей серой стеной, исчерченной потёками. Река казалась неподвижной: лёд сходилась от одного берега до другого, лишь у основания ворот чернела полынья длиной в три лодки. На дальнем берегу снег лежал чисто. Никаких людей артели, никаких открытых боковых русел.

Радана поставили между двумя стражниками. С него стекала вода, и ветер сразу белил ткань инеем.

— Развяжи меня, — сказал он Ярине.

— Нет.

— Тогда возьми верёвку из моего мешка.

Данко поднял изъятый моток.

— Она без груза.

— Вплетён конский волос. Брось конец в полынью.

Смотритель вопросительно глянул на Ярину. Она кивнула.

Данко привязал верёвку к перилам и опустил свободный конец в чёрную воду. Сначала тот лёг вдоль стены, как и следовало ожидать: течение у плотины обычно уходило вниз, к южному повороту. Затем верёвка задрожала. Медленно, будто невидимая рука перебирала её снизу, она развернулась и натянулась к воротам.

— Подсос через трещину, — сказал один из стражников.

— Я тоже так подумала, — ответила Ярина.

Радан посмотрел на неё с неожиданным одобрением.

— Правильно. Поэтому одной верёвки мало. Прикажи открыть мерный колодец.

— Он внутри стены.

— Именно.

Мерный колодец сообщался с Зимником узкой трубой и показывал давление на затвор. Данко отпер медную крышку. Вода стояла почти у самого края — выше зимней нормы на две ладони.

— Если нижняя вода входит через трещину, уровень здесь поднимется, — продолжил Радан. — Если Зимник вытекает наружу, упадёт. Отметьте черту.

Ярина провела углём по камню.

— И сколько ждать?

— Недолго. Пусть Данко на счёт пять приподнимет наружную заслонку смотрового желоба.

— Ты только что говорил, что её нельзя закрывать.

— Нельзя надолго. На пять ударов сердца можно.

Милолика постучала тростью по настилу.

— Довольно. Он заставляет вас трогать затворы один за другим и изучает порядок.

— Порядок подъёма выберу я, — сказала Ярина. — Данко, не наружную. Закрой внутреннюю заслонку на три счёта.

Радан резко повернулся.

— Нет.

Первое слово, которое он произнёс без насмешки.

— Почему?

— Трещина между заслонками. Закроешь внутреннюю — нижняя вода ударит прямо в неё.

— Если ты лжёшь, ничего не изменится.

— Если не лгу, потеряешь шов.

— Значит, проверим твою уверенность.

Она подошла к колесу внутренней заслонки. Стражники потянули Радана назад, но он упёрся сапогами в настил.

— Ярина Ветлица, послушай хотя бы знак на своей руке. Там течение. Оно ищет не выход — имя.

Ей не понравилось, что он назвал её полностью. Ещё меньше — что знак действительно отозвался холодом.

— Откуда ты знаешь, что он чувствует?

Радан замолчал.

Не потому, что не придумал ответ. Потому что ответ имел цену.

Ярина убрала руку с колеса.

— Данко, наружную заслонку. На два счёта, не на пять.

Милолика отвернулась к реке, скрывая раздражение.

Смотритель взялся за рычаг. Металл застонал. Внизу, в полынье, появилась узкая светлая полоса воды.

— Раз, — сказал Данко.

Верёвка рванулась к плотине.

— Два.

Заслонка захлопнулась.

Все посмотрели в мерный колодец. Вода стояла у угольной черты.

Потом поднялась на толщину ногтя.

Ещё на одну.

Кто-то из стражников прошептал молитву.

— Нижнее течение входит в стену, — сказал Данко. — Но это всё ещё может быть местный подпор.

— Может, — согласился Радан. — Теперь дай мне медную чашу.

— Нет, — одновременно произнесли Ярина и Милолика.

Проводник выдохнул облако пара.

— Я не предлагаю клятву. Насыпьте в чашу золы из жаровни. Сами. Бросьте в полынью у южного края, где вода должна уходить от плотины.

Золу принесли из караульного помещения. Ярина растёрла её пальцами, проверяя, нет ли примеси. Серый порошок был сухим и лёгким. Данко высыпал его у дальнего края полыньи.

Первые мгновения зола растекалась по поверхности бесформенным пятном. Затем собралась в тонкие полосы. Южный ветер гнал их от стены, вниз по обычному руслу.

Вода под ними шла иначе.

Серые нити остановились, развернулись против ветра и поплыли к воротам. У самого камня они не исчезли в трещине, как ожидала Ярина. Поток разделился надвое: часть ушла внутрь стены, часть скользнула вдоль основания к северу — вверх по реке.

Радан кивнул на дальнюю кромку льда.

— Смотрите.

Под белой толщей двигалась тёмная линия. Она приближалась снизу, пересекла полынью и продолжила путь к Зимнику. Лёд над ней трескался не расходящимися лучами, а ровными поперечными насечками, будто кто-то отмечал пройденное расстояние.

Одна.

Вторая.

Третья.

По девятой насечке Радан и считал дни.

— Каждое утро новая черта, — сказал он. — Я шёл за ними от Берестяной заводи. Вода не просто повернула. Она возвращается к истоку и будит всё, чего касается. Через девять дней последняя черта ляжет под верхними воротами.

— Что будет потом? — спросил Данко.

— Не знаю.

Милолика усмехнулась.

— Наконец честное слово.

— Знаю другое. Закрытый Зимник встретит весенний напор с обеих сторон. Старый шов этого не переживёт.

Ярина смотрела, как зола уплывает вверх по Яровице. Доказательство было простым и потому страшным. Его нельзя было списать на рассказ проводника, на проросшие семена, на хитрость изгнанной артели. Плотинная верёвка, мерный колодец, зола — три независимых ответа.

Вода шла не туда.

— В темницу, — снова сказала Милолика.

Стражники взяли Радана за плечи.

— Он останется в хранительском доме, — решила Ярина. — Под стражей.

Посадница повернулась к ней.

— Ты не знаешь, кого впускаешь под свою крышу.

— Поэтому предпочитаю дверь, ключ от которой у меня.

— У тебя сегодня умерла мать. Ты заплатила памятью. Сейчас не время доказывать власть.

— Я не доказываю. Я ею пользуюсь.

Радан не сопротивлялся, когда его повели к лестнице. Проходя мимо Ярины, он тихо сказал:

— До вечера проверь нижние записи своей матери. Ищи дни, когда колокол бил четыре раза.

Она не успела спросить, откуда он знает о записях. Милолика ударила тростью по его связанным рукам.

— Молчать.

Радан поморщился, но посмотрел не на посадницу — на Ярину.

— А потом спроси у неё, — он кивнул на Милолику, — почему шестой голос слышен в вашей плотине, хотя вы двенадцать лет делаете вид, что его нет.

Стража увела его.

Над полыньёй снова поднялся ветер. Последние крупинцы золы скользнули под ледяную кромку и исчезли в стороне Зимника.

Милолика осталась у перил.

— Не верь человеку только потому, что одна его правда испугала тебя, — сказала она.

— А вам?

— Мне тем более.

Ярина посмотрела на девять поперечных трещин во льду. Под кожей знак Хозяйки холодел в такт невидимому течению.

— Тогда покажите нижние записи матери.

Посадница медленно обернулась.

И этой паузы Ярине хватило, чтобы понять: записи существуют, четыре удара в них есть, и Радан Межень знал о Зимнике больше, чем ему позволяла река.

Глава 3. Пять голосов

Старший круг собирался в комнате, где не было ни одного окна на реку.

Ярина прежде считала это случайностью. Дом схода строили в годы, когда Зимник ещё не поднимался над крышами, и речная сторона тогда была всего лишь северной стеной. Теперь ей казалось, что стену оставили глухой нарочно. За ней, в двух сотнях шагов, вода шла против русла, но здесь слышались только скрип лавок, потрескивание смоляных лучин и голоса людей, привыкших принимать решения в сухом месте.

Пять старост сидели полукругом. Перед каждым стояла глиняная чаша с землёй его селения: светлой пашенной, чёрной огородной, серой песчаной, бурой болотной и красноватой, взятой у каменоломен. В середине стола оставалось углубление под шестую чашу. Его закрыли медным блюдом с печатью Старшего круга.

Ярина заметила это впервые.

Милолика стояла во главе стола, опираясь обеими ладонями на трость. После похорон она не сменила белую повязку, но успела распорядиться, чтобы с её подола счистили плотинную грязь. Возле двери ждали Данко и двое стражников. Радана заперли в нижней комнате хранилища дома; ключ Ярина оставила у себя.

— Девять дней, — сказал староста каменоломен. — Мы обсуждаем слова изгнанника, будто это мерная ведомость.

— Мы обсуждаем три показания воды, — ответила Ярина. — Верёвку, колодец и золу видел Данко.

Смотритель выступил на полшага.

— Всё было так, как сказала Хозяйка. Течение идёт к верхним воротам. Давление на нижний шов растёт.

— Насколько?

— На толщину ногтя за два счёта открытой заслонки.

— Значит, на толщину ногтя, — подхватил староста. — Не на локоть.

Слева от него женщина с песчаной землёй резко придвинула чашу к себе.

— Когда вода подмоет мой берег, тебе и ногтя хватит.

— А когда вы потребуете камня для новых подпор, его снова станут отдавать даром?

— Хватит, — сказала Милолика.

Голоса оборвались не сразу, а по одному. Ярина услышала, как устроена власть посадницы: не заставить всех замолчать, а дать каждому понять, что его успели услышать отдельно от остальных.

— Лада умерла утром, — продолжила Милолика. — Знак передан. Старый шов повреждён. В нижнем русле замечена ранняя вода. Этого достаточно, чтобы объявить плотинную повинность на девять дней.

— Недостаточно, — сказала Ярина.

Пятеро старост посмотрели на неё. Милолика не подняла головы.

— Объясни.

— Повинность укрепит стену со стороны Зимника. Напор идёт с двух сторон. Если мы замкнём нижние выходы, вода ударит в трещину.

— Это говорит меженник, — произнесла староста с чёрной землёй.

— Это показал мерный колодец.

— Колодец показывает давление, а не намерения реки.

— У реки нет намерений.

— Тогда зачем нам Хозяйка, которая слушает её имена?

Вопрос был поставлен ловко. Согласиться — значит признать, что вода способна выбирать. Отрицать — отказаться от права, ради которого утром Ярина отдала воспоминание.

Она положила ладонь со знаком на стол. Белая черта под кожей была видна всем.

— Чтобы отличать цену удержания от страха тех, кто требует удерживать.

Староста с красной землёй откинулся. Женщина с песчаной опустила глаза, пряча одобрение или тревогу.

Милолика медленно обошла стол.

— Никто не требует от тебя нового удержания сегодня. Круг предлагает подготовить вечный запор. Камнем закрыть боковые желоба, залить старые деревянные ворота свинцом и связать шов пятью голосами. Когда подойдёт весенняя вода, у неё не останется пути внутрь стены.

Данко тихо кашлянул.

Ярина посмотрела на него.

— Что?

— Деревянные ворота ставили для сброса, Хозяйка.

— Их не открывали двенадцать лет, — отрезала Милолика. — Дерево сгнило. Любая попытка поднять их сорвёт створки.

— Мы этого не знаем, — сказал Данко. — Осмотр с внутренней стороны запрещён печатью круга.

— Именно потому, что последний осмотр закончился разливом.

На слове «последний» пятеро старост коснулись своих чаш. Одновременно, будто репетировали. Ярина вспомнила детские сходы: мать стояла на её месте, старосты произносили согласие, а она с Златой считала касания под столом. Пять ладоней. Пять чаш. Пять голосов.

И закрытое медью место посередине.

— Как связывают вечный запор? — спросила она.

Милолика впервые посмотрела настороженно.

— Ты видела обряд.

— Я видела его ребёнком. Мать никогда не позволяла мне стоять у стола.

— Потому что связь принимает только действующая Хозяйка.

— Теперь действующая Хозяйка я.

Никто не возразил. Это было слабое преимущество, но Ярина удержала его.

Посадница сняла с крюка под потолком пять тонких шнуров. Каждый был окрашен землёй одного селения. Концы сходились в общем узле, затвердевшем от соли.

— Старосты называют то, что обязуются сохранить: дома, мосты, пашни, колодцы, дороги. Ты принимаешь их слова и проводишь через знак к Зимнику. Пять долей долины становятся одним берегом. Пока ни один голос не отозван, вода признаёт запор общим решением.

— А если вода пойдёт на поля, не названные в обряде?

Староста с чёрной землёй нахмурилась.

— Для того и называют всё.

— Всё невозможно назвать.

— Лада могла.

Ярина почувствовала, как знак под кожей налился холодом. Мать действительно могла перечислять долину часами: каждый мосток, овраг и хутор. К концу зимы она иногда забывала, где оставила чашку, зато помнила названия межевых камней, давно ушедших под воду.

— И сколько воспоминаний стоило ей ваше «всё»?

В комнате стало тихо.

Милолика не позволила старостам ответить.

— Сейчас речь не о Ладе.

— Именно о ней. Она умерла, удерживая шов, о котором круг знал.

— Мы знали, что кладка стареет. Не знали, что нижняя вода повернула.

— Вы знали достаточно, чтобы запретить Данко осмотр старых ворот.

— И достаточно помнили, чтобы не повторять катастрофу.

Милолика ударила концом трости в медное блюдо. Гул вышел коротким, глухим. Пятеро старост снова коснулись чаш, но на этот раз не одновременно.

— Двенадцать лет назад открыли боковые русла, — сказала посадница. — Вода снесла три моста, сорок семь домов и зимние запасы двух селений. Люди ночевали на крышах. Мы хоронили детей в ещё мёрзлой земле. Те, кого ты сегодня держишь под своей крышей, назвали это необходимой ценой реки.

— Радан не называл.

— Он был там.

Вот почему они узнали друг друга.

Ярина не спросила, кем был Радан в тот год. Ему было шестнадцать — достаточно, чтобы помнить воду, недостаточно, чтобы заседать в речном круге. Милолика ждала вопроса, и потому задавать его при всех было нельзя.

— Вечный запор не остановит напор с двух сторон, — сказала Ярина. — Он лишь лишит нас выхода.

— Выход уже однажды убил людей, — ответил староста каменоломен. — Стена хотя бы даёт время.

— Кому?

— Всем пяти селениям.

Слово легло точно в закрытое углубление стола.

Ярина перевела взгляд с чаши на чашу. Светлая земля пахла сухой соломой. В чёрной торчал тонкий корешок. Серый песок просыпался через трещину в краю сосуда. Бурая почва блестела влагой. Красная пыль легла на пальцы старосты, как ржавчина.

Пять разных берегов называли себя всеми.

— Проведём пробу, — решила она. — Без связи со знаком. Произнесите обряд так, как произносили при матери.

— Для чего? — спросила Милолика.

— Чтобы я знала слова до того, как мне предложат отдать за них память.

Отказать ей в этом посадница не могла. Она раздала шнуры. Каждый староста обмотал свой конец вокруг запястья. Общий узел положили перед Яриной, но она не коснулась его.

Первой заговорила женщина со светлой землёй:

— Голос верхней пашни. Сохраняю посев, гумна, зимнюю дорогу и три переправы.

Мужчина с красной:

— Голос каменного берега. Сохраняю карьер, печи, плотинный тракт и дома под скалой.

Женщина с чёрной:

— Голос середины. Сохраняю сады, торг, лечебный двор и общий колодец.

Старик с бурой землёй:

— Голос низких лугов. Сохраняю стада, сенники, свайную дорогу и могильный остров.

Последней говорила староста песчаного берега:

— Голос Вороньей косы. Сохраняю лодочные дворы, мост, рыбацкие ямы и дома вдоль старого русла.

После пятого голоса Милолика подняла ладонь.

— Пять земель, пять долей, один берег. Хозяйка принимает названное и запирает неназванное.

Узел дрогнул.

Хотя Ярина к нему не прикасалась.

Холод прошёл по столу и вошёл в её ладонь через дерево. Знак отозвался болью. Под медным блюдом что-то щёлкнуло — не металл, не камень, а звук ломающейся ледяной корки.

— Всем отойти, — сказала она.

Старосты выпустили шнуры. Милолика схватила общий узел, не дав ему коснуться знака.

— Что ты почувствовала?

Ярина не ответила. Она сняла медное блюдо.

Под ним не было шестой чаши. Только круглое углубление, в дне которого темнели четыре старые царапины. Три шли от края к центру. Четвёртая пересекала их и уходила дальше, под каменную столешницу.

Такая же поперечная черта появилась сегодня во льду над обратным течением.

— Почему здесь четыре метки? — спросила Ярина.

Милолика накрыла углубление ладонью.

— Следы прежнего крепления.

— Крепление чаши оставило бы круг.

— Ты ищешь знаки, потому что изгнанник велел тебе искать.

— Я ищу причину, по которой обряд отзывается без моего согласия.

Староста Вороньей косы отвязала шнур.

— Если знак уже принимает слова, начинаем сегодня.

— Нет, — сказала Ярина.

— Хозяйка, мой мост стоит поперёк русла. У меня люди разбирают его голыми руками.

Пока мы говорим, вода поднимается.

— Поэтому я не свяжу им руки запором, который никто здесь не понимает.

— Лада понимала.

— Тогда я прочту её записи.

Милолика сжала трость.

— Нижние книги не относятся к обрядам круга.

— Они относятся к четырём ударам колокола.

Имя Радана Ярина не произнесла. И всё же он словно вошёл в комнату. Староста каменоломен выругался. Женщина с чёрной землёй побледнела. Старик низких лугов закрыл свою чашу обеими ладонями.

Только староста Вороньей косы спросила:

— Откуда ты знаешь?

Значит, знали все.

— Мать оставила мне записи, — солгала Ярина.

Милолика поняла ложь. Но разоблачить её значило бы признать, что записи от новой Хозяйки прятали.

— Четвёртый удар означает внутренний отклик старого шва, — сказала посадница. — Он не звучал двенадцать лет.

— Сегодня колокол не ответил даже на похоронный звон.

— Поэтому мы должны укрепить запор.

— Или узнать, что именно перестало отвечать.

Старосты заговорили разом. Один требовал начинать каменную кладку до темноты. Другая — сначала разобрать мост. Третья хотела выставить заставы против меженников. Старик низких лугов повторял, что нельзя тревожить старые ворота. Их голоса перекрывали друг друга, и ни один не становился решением.

Ярина взяла пять шнуров и перерезала общий соляной узел ножом Радана, который всё ещё лежал у неё за поясом.

Лезвие прошло тяжело. Узел лопнул, рассыпав белую крошку.

— До рассвета вечного запора не будет, — сказала она. — Камень и лес подведите к плотине, но не кладите в шов. Данко осмотрит доступные механизмы без снятия печатей. Каждое селение выставит людей на своих нижних дорогах и будет мерить воду каждый час. Воронья коса разбирает мост; каменоломни дают им крюки и две упряжи по обычной цене, не по аварийной.

Староста каменоломен открыл рот.

— По обычной, — повторила Ярина. — Иначе я впишу вашу торговлю в обряд сохранения, чтобы Зимник помнил, что именно вы спасали.

Женщина с песчаной землёй впервые улыбнулась.

— А меженник? — спросила староста середины.

— Останется под моей стражей.

— Он должен быть на допросе круга.

— Утром. Когда у меня будут записи Лады и ваши замеры.

Милолика постучала тростью один раз.

— Круг принимает подготовку к запору и отсрочку связи до рассвета.

Это было не то решение, которое вынесла Ярина, но достаточно близкое, чтобы старосты услышали приказ. Посадница уступила ночь и присвоила смысл уступки.

Пять чаш унесли. Медное блюдо Милолика забрала сама.

Когда комната опустела, Ярина задержала Данко у двери.

— Ты слышал четыре удара?

Смотритель долго застёгивал тулуп.

— Один раз. Я был учеником.

— Двенадцать лет назад?

Он кивнул.

— Перед разливом?

— После первого открытия боковых ворот. Три удара дал мастер по приказу Лады. Четвёртый пришёл снизу. Язык колокола не двигался.

— Почему этого нет в верхнем журнале?

— Потому что наутро Милолика велела переписать смену. Сказала, люди примут подземный толчок за голос утопленников.

— А ты?

Данко посмотрел на глухую стену.

— Я стоял рукой на стойке. Это был не толчок. Кто-то ответил.

Он ушёл, оставив дверь открытой. Из коридора тянуло снегом и дымом. Ярина дождалась, пока шаги стихнут, и только тогда позволила себе сжать больную ладонь.

Знак продолжал отбивать четыре слабых толчка.

Три близко.

Один после паузы.

*

Нижние записи Лады хранились не в книжном шкафу.

Ярина обыскала его ещё до прихода круга: перебрала ведомости, родовые книги и связки плотинных журналов. Везде почерк матери был ровным, мелким, знакомым до боли. Нигде — четырёх ударов.

Теперь она вернулась в хранительский дом и заперла наружную дверь. На верхнем этаже Злата ходила из комнаты в комнату, собирая материнские вещи. Иногда скрипела крышка сундука. Иногда наступала тишина, в которой обе сестры делали вид, что другой рядом нет.

Радан сидел этажом ниже, за двумя дверями и решёткой. Стражникам Ярина велела кормить его, но не разговаривать. Когда она проходила над лестницей, знак в ладони похолодел, будто узнал течение под полом.

Она заставила себя идти в материнскую комнату.

Постель была застлана. На спинке стула висела серая кофта, которую Лада надевала для ночных обходов. В глиняной чашке у окна засох отвар. Ярина коснулась края и тут же отдернула руку: память предложила десятки обычных вечеров, и после первой потери ни один больше не казался надёжным.

Нижние записи.

Мать называла нижним всё, что находилось не ниже дома, а ниже уровня воды в Зимнике. Старые ворота. Галереи внутри стены. Замурованные лестницы. То, что нельзя было показывать кругу без разрешения круга.

Ярина опустила на пол и заглянула под кровать. Пыль лежала нетронутой. Проверила доски у печи, простучала стену за иконами рода, сняла дно с сундука. Ничего.

Сверху снова скрипнула крышка.

— Злата!

Сестра появилась на пороге почти сразу. В руках она держала материнский синий платок.

— Что?

— Ты помогала ей в последние дни. Она что-нибудь прятала?

— От тебя или от Милолики?

— Есть разница?

— От тебя — плохо. От Милолики — разумно.

Ярина поднялась.

— Мне нужны записи о плотине.

— Тебе всё время нужны записи о плотине.

— Вода идёт вверх по Яровице.

Злата посмотрела на её ладонь.

— И сколько ты уже отдала, чтобы это узнать?

— Сегодня — ничего.

— Ты сказала «сегодня», а не «ничего».

Ярина не нашла ответа. Злата прошла к окну и подняла чашку с засохшим отваром.

— Мать пила его холодным, — сказала она. — Последнюю неделю забывала подогревать.

Потом решила, что я каждый раз приношу новый, и благодарила дважды.

— Злата...

— Ты помнишь, как она смеялась?

Вопрос ударил точнее упрёка. Ярина помнила. Кажется. Смех был негромким, с хрипотцой, мать всегда прикрывала рот тыльной стороной ладони. Но стоило проверить образ, как он распался на детали, которые могли принадлежать разным дням.

— Помню.

Злата кивнула, не поверив.

— Она не прятала книги. Она прятала способ их читать.

Сестра сняла с шеи узкий костяной гребень. Один зубец был темнее остальных.

— Вчера перед смертью дала мне. Сказала: если Старший круг придёт за нижними книгами, расчеши воду против волос.

— Почему ты не сказала раньше?

— Потому что Старший круг не приходил. Пришла ты.

— И решила проверить, заслуживаю ли я?

— Решила дождаться, пока ты попросишь меня, а не прикажешь.

Ярина почувствовала раздражение — и сразу стыд за него. Утром она назвала Злату перед тремя водами тем, кого боится забыть. К вечеру уже обращалась с ней как с ключом к материнскому тайнику.

— Помоги мне, пожалуйста.

Злата протянула гребень.

— Вместе.

В таз налили снеговой воды, добавили из кувшина обычную и подержали над свечой, пока не поднялся пар. Три воды для обещания, хотя слов они не произносили. Злата провела гребнем по поверхности против себя.

Вода собралась тонкими полосами. Между ними проступили буквы, будто написанные на дне отражённым светом.

Лада не оставила книгу. Она спрятала записи в памяти воды, понемногу, день за днём. Строки шли одна за другой, и гребень вытягивал их на поверхность.

«Четвёртый ответ повторился после общего запора».

Злата перестала дышать.

Ярина провела гребнем снова.

«Три удара принадлежат затворам: верхнему, нижнему, боковому. Четвёртый не принадлежит плотине».

Ещё.

«Круг велел считать его эхом. Эхо не опережает звук».

Буквы дрогнули. Ярина наклонилась ближе.

«Четвёртый голос приходит до третьего удара, если вода касается старого русла».

— Голос, — прошептала Злата. — Она написала голос.

Следующая строка была перечёркнута движением воды, но отдельные слова сохранились:

«...не шестой удар... шестой участник...»

Ярина снова провела гребнем. Кость заскрипела по поверхности, словно по стеклу.

«Мы исключили людей, но не их долю воды. Запор принимает пять согласий и удерживает шестую долю без согласия. Поэтому цена ложится на Хозяйку».

Знак в ладони вспыхнул холодом. Таз покрылся льдом от краёв к середине.

— Убери руку, — сказала Злата.

Ярина не касалась воды, но знак уже тянулся к строкам. Подо льдом возникло шестое углубление — такое же, как в столе круга. Из него расходились четыре царапины.

Она отступила. Лёд остановился.

На поверхности появилась последняя запись, короткая и неровная. Почерк матери распался, будто она писала в темноте:

«Если колокол ответит четыре раза после моей смерти, не завершай запор. Найди того, кто помнит имя шестого берега. Милолика знает, почему оно было отдано».

Буквы потекли. Вода стала чистой.

Злата держала гребень обеими руками.

— Радан знает имя?

— Возможно.

— А Милолика?

— Знает точно.

Снизу донёсся грохот.

Не удар в дверь. Звук воды, сорвавшей деревянную преграду.

Ярина бросилась в коридор. Один из стражников уже бежал вверх.

— Хозяйка! Пленник открыл слив в нижней комнате!

— Как?

— У него ничего не было. Он сказал имя — доски разошлись сами.

Ярина перегнулась через перила. Из подвального прохода тянуло тёплым воздухом. По ступеням вверх текла узкая струя, не вниз. В ней кружились зелёные иглы прошлогодней хвои.

Радан появился за решёткой. Верёвка всё ещё связывала ему руки, но пол у его ног исчез под водой.

— Я просил проверить записи до вечера, — сказал он.
— Ты открыл русло под моим домом.
— Нет. Оно открылось, когда ваши пять голосов начали вечный запор.
— Связь не завершили.
— Реке хватило услышать намерение.
Вода поднялась ещё на ступень.
Радан посмотрел на гребень в руке Златы, затем на Ярину.
— Теперь ты знаешь, кого не спросили.
Снаружи ударил колокол.
Первый раз — тревожно и чисто.
Второй — ниже.
Третий заставил задрожать стёкла.
Четвёртый пришёл из-под дома.
И после него решётка перед Раданом выгнулась наружу.

Глава 4. Украденная оттепель

Решётка выгнулась ещё на ладонь.

Вода не ударила в неё. Она давила медленно, почти бережно, и от этого становилось страшнее: железо скрипело, скобы выходили из камня одна за другой, будто чьи-то терпеливые пальцы вытаскивали их из стены.

— Назад! — крикнула Ярина.

Стражник на нижней площадке поскользнулся. Она успела схватить его за ворот и дёрнуть к лестнице. В ту же секунду одна из скоб вылетела, звякнула о ступень и исчезла в мутной воде.

Радан стоял по другую сторону решётки со связанными руками. Он не пытался заслониться. Смотрел вниз, туда, где под водой открылся чёрный провал старого слива.

— Закрой его! — сказала Ярина.

— Чем?

— Именем, которым открыл.

Он поднял глаза.

— Я назвал свой берег. Закрывать его может только тот, кто имеет право сказать, что берега больше нет.

— Ты двенадцать лет жил без него.

— Это не значит, что его не было.

Последняя скоба выскочила из стены. Решётка упала бы на лестницу, но поток подхватил её и развернул ребром. Радан шагнул на перекошенную раму. На мгновение оказался выше Ярины, удерживая равновесие связанными руками, затем прыгнул в провал.

— Стой!

Она бросилась следом. Стражник ухватил её за рукав.

— Хозяйка, там старый водосброс. Он под домом обвален.

— Тогда предупреди Данко. Пусть перекроет выход у двора.

— Если перекроет, вода вернётся сюда.

Ярина посмотрела на ступени. Струя уже достигла первого этажа. Ещё немного — и хлынет в материнскую комнату, смое таз с последними записями, поднимется к Злате.

— Злату выведи через верхнюю дверь. Сам оставайся с ней. Это приказ.

Она выдернула из настенного гнезда обходной фонарь, прикрыла огонь слюдяной заслонкой и ступила на решётку. Та просела под сапогом. Из провала пахло не затхлой водой, а мокрой корой и землёй после дождя — запахом, невозможным посреди зимы.

Радан исчез.

Внизу тянулся кирпичный ход, достаточно широкий для одного человека. Вода доходила до колен и текла от дома, к невидимому выходу. Ярина спрыгнула, больно ударилась плечом о свод и едва удержала фонарь. Стены были исчерчены старыми отметками: черта, ладонь, ещё черта. Не уровни подъёма — слишком ровные промежутки. Счёт шагов или лет.

Впереди плеснуло.

— Радан!

Ответа не было.

Знак в ладони ныл от каждого шага. Здесь проходила вода, которую Хозяйка должна была удерживать, но знак не узнавал её своей. Он пытался стянуть течение назад и не мог. Боль шла по пальцам к запястью.

Ход повернул. В круге света мелькнул тёмный плащ. Радан прижался спиной к стене и тёр верёвку о торчащий кирпич.

Ярина вынула его нож.

— Не двигайся.

Он замер, глядя на лезвие.

— Удобный миг вернуть пленника.

— Я не собираюсь тащить тебя против воды со связанными руками.

Она перерезала верёвку. Радан размял кисти, но ножа не попросил.

— Выход где?

— Если слив не заложили до конца, под старой баней.

— Если заложили?

— Тогда нас раздавит о кладку.

— Обнадёживает твоя точность.

— Ты предпочитаешь утешительную ложь. У вас в верхних домах к ней привыкли.

Он пошёл быстрее. Ярина схватила его за край плаща.

— Откроешь только выход. Ни одного русла без моего решения.

— Русло уже решило.

— Река не отвечает за затопленные дома.

— Как и плотина — за высохшие?

Он высвободил плащ, не коснувшись её руки. Вода поднялась выше колен. За поворотом свод понизился, пришлось нагнуться. Огонь в фонаре стал синим.

Сначала Ярина услышала гул, потом увидела кладку. Проход заканчивался стеной из плоского камня, скреплённого известью. Между нижними рядами били тонкие струи. На центральной плите был вырезан знак из шести расходящихся линий. Пять забили железными клиньями. Шестая оставалась открытой.

Радан положил на неё ладонь.

— Не смей.

— Через минуту вода поднимется до свода.

— Я могу удержать.

— Чем заплатишь?

Вопрос остановил её быстрее приказа. Знак уже предлагал знакомое решение: назвать то, что дорого, принять холод, заставить воду отступить. Ярина представила лицо Златы — и не смогла вспомнить, какого цвета был синий платок у неё в руках. Синий, сказала память. Но какой именно: речной, васильковый, тёмный перед грозой?

— Не твоё дело.

— Пока стою в одном сливе с тобой — моё.

Камень треснул. Радан прижал вторую ладонь к шестой линии и произнёс слово, которого Ярина не разобрала. Оно было коротким, с глухим окончанием, похожим на звук весла, вынутого из воды.

Пять клиньев задрожали.

— Это имя берега?

— Его половина.

— А вторая?

— Принадлежит тем, кто там остался.

Кладка разошлась по шестой линии. Не рухнула — раскрылась узкой створкой. Вода рванула наружу и увлекла их за собой.

Ярина успела закрыть фонарь и ударилась коленом о камень. Её протащило несколько саженей по тёмной трубе. Чья-то рука поймала за перевязь, удержала голову над водой. Они вылетели в морозный воздух вместе с обломками льда и прошлогодними листьями.

Радан отпустил её только на мелководье.

Ярина встала, выхватила нож и увидела, что держит его обратной стороной. Исправила хватку.

— Отойди от воды.

Радан поднял пустые руки.

Они стояли в низком овраге за хранительским домом. Старой бани давно не было; от неё сохранились три почерневших венца, почти скрытых снегом. Из-под них вырывался ручей шириной в два шага. Вода парила и быстро размывала снег, обнажая бурые стебли.

На гребне оврага показался Данко с двумя плотинщиками.

— Хозяйка! — крикнул он. — Отойдите от сброса!

Радан посмотрел на склон.

— Они перекроют нас.

— Они перекроют воду.

— Попробуют. А она уйдёт по другому шву.

Данко уже спускал на верёвках деревянный щит. Плотинщики несли мешки с глиной. Ярина могла дожидаться их, вернуть Радана под стражу и запечатать слив. Так выглядел бы порядок. Так поступила бы Лада — или та мать, которую Ярина ещё помнила.

Радан повернулся и побежал вниз по оврагу.

— Стой!

Он перепрыгнул через ствол, исчез за кустами. Ярина сунула нож за пояс и бросилась следом.

— Данко, держите выход, но не забивайте намертво! — крикнула она через плечо. — Оставьте сброс в ручей!

— В какой ручей?

Она уже не могла ответить.

Овраг уходил к северной окраине долины, в сторону, где на картах Хозяйки не было ни водотока, ни жилья. Радан бежал уверенно, хотя снег скрывал дно. Дважды он сворачивал до того, как под белым настом обнаруживался провал. Он знал дорогу, которой якобы не существовало.

Ярина отставала. Мокрая юбка путалась в ногах, левое колено болело. Она расстегнула верхние крючки шубы, подобрала подол и увидела на снегу кровь. Не его — свою, из расчённой ладони. Знак снова открылся. Капли падали в воду и застывали маленькими красными линзами.

Ручей менялся у неё на глазах. Сначала вода шла поверх снега, потом нашла углубление. Под белизной проявилось старое ложе: камни, корни и сгнившие плетни по берегам. Значит, здесь не просто однажды текла вода. Её направляли. За ней ухаживали.

Радан добежал до низкой насыпи и остановился.

Поперёк ложа лежали три дубовых бруса, обмазанные глиной. В середине торчал железный ворот без рукояти. На ближнем столбе Ярина увидела выжженный знак Хозяйки — не свой, старый, с именем Лады в нижней черте.

— Это её запор, — сказала она.

— Её рукой поставлен. Не её решением.

Радан опустился возле ворота и принялся разгребать снег.

— Не трогай.

— За ним низина. Если вода пойдёт туда сейчас, у дома спадёт уровень.

— А если там люди?

— Тогда спросим.

— До или после того, как ты откроешь?

Он замер.

Впервые с момента побега она увидела, что её слова попали в цель. Радан медленно выпрямился.

— До, — сказал он.

Снизу донёлся собачий лай.

Через несколько мгновений на другом берегу появилась женщина в коротком овчинном тулупе. В одной руке она держала вилы, в другой — фонарь. За ней стоял мальчик лет десяти с такой же тёмной косой.

— От ворот отошли! — крикнула женщина.

Радан поднял ладони.

— Весна идёт из старого слива, Верена.

Женщина узнала его и не опустила вил.

— Ты обещал не приводить верхних.

— Я никого не приводил.

— Он бежал, — сказала Ярина. — Я преследовала.

Верена перевела взгляд на её ладонь. Лицо стало жёстким.

— Хозяйка.

Это прозвучало не как титул.

Мальчик шагнул вперёд, но женщина заслонила его локтем.

— У вас есть люди ниже ворот? — спросила Ярина.

— У нас есть люди везде, где вы оставили пустую землю.

— Вода может войти в низину сейчас.

— Мы видим.

— Тогда выводите их.

— Куда? В ваши пять селений? Нас туда не пускают после закатного колокола. На мосту стоят люди Милолики.

Радан посмотрел на Ярину, но ничего не сказал. Не спас её объяснением и не потребовал немедленного выбора.

— Сколько времени нужно? — спросила она.

Верена прищурилась.

— Если открыть одну пядь — четверть часа до первых огородов. Половину ворота — столько же до домов. Полностью — вода возьмёт старую низину и уйдёт к сухим озёрам.

— Сколько домов?

— Семь зимних. Летом двадцать три.

— Почему их нет в переписи?

— Потому что перепись приходит вместе со сборщиком, а защита — никогда.

Ярина подошла к запору. На внутренней стороне столба были зарубки. Двенадцать длинных, рядом с каждой — несколько коротких. В первый год семь. В следующий девять. Потом двенадцать, пятнадцать. На последней линии — двадцать три.

— Что считали?

— Дворы, которые могли вернуться, если будет вода, — ответила Верена.

Радан присел у нижнего бруса и показал тёмную полосу.

— Глина ещё держит. Но напор растёт. Решать надо сейчас.

Ярина коснулась знака Лады. Холод вошёл под ноготь. Водная память отозвалась не словами, а движением: десятки вёдер глины, тяжесть бруса, чужие руки, которыми мать распорядилась; голос Милолики — глухой, торопливый; чей-то крик с нижнего берега. Ярина отдернула пальцы раньше, чем память стала ясной.

— Мать закрыла ручей двенадцать лет назад.

— После большого разлива, — сказала Верена. — Нам велели уйти на три года, пока земля очистится от битого льда. На четвёртый год мы вернулись. Воду не вернули.

— Большой разлив разрушил шестое селение?

— Разлив разрушил дома. Круг разрушил берег.

Слова были слишком гладкими, будто повторялись много раз. Ярина знала, что выученная правда тоже бывает неполной.

— Кто погиб?

Верена крепче сжала вилы.

— Мой отец. Две сестры Радана. Одиннадцать человек из верхних деревень. Тридцать четыре с нашего берега.

Ярина посмотрела на Радана. Он стоял у ворот, отвернувшись. Про сестёр в его предуждениях не было ни слова.

— И после этого вы хотите открыть низину без круга?

— После этого мы хотим сами отвечать за низину, — сказал он. — Не отдавать её тем, кто считает наши смерти и нашу землю разными ведомостями.

За запором глухо ударило. Верхний брус сдвинулся на толщину пальца. Из щели брызнула вода.

Верена свистнула мальчику.

— Беги к домам. Скажи: уводить скот на Каменную гриву. Печи погасить, сундуки не тащить. Пусть Лют поставит шесты у огородов.

— А бабка?

— Я заберу.

Мальчик сорвался с места.

Ярина поймала Верену за рукав, когда та повернулась уходить.

— Одну пядь. Не больше. Через четверть часа закроем, если уровень у дома упадёт.

— Вы закроете, — сказала женщина. — Мы потом снова останемся с сухим ложем.

— Сейчас я отвечаю за людей над сливом и под воротами.

— А за нашу землю когда ответите?

— Когда увижу её.

Верена усмехнулась без веселья.

— Так смотрите.

Она ударила вилами в снег у берега и отвалила белую корку. Под ней была земля — тёмная, рыхлая, пронизанная сухими корнями. Верена воткнула руку почти по запястье и подняла горсть.

Даже в мороз почва не смерзлась в камень. Она рассыпалась между пальцами, пахла прелой травой. В ней белели пустые раковины улиток и тонкие стебли, не успевшие сгнить.

— Это старый ил, — сказала Ярина.

— Последний, который оставила Яровица. Двенадцать лет назад. Видите серый слой сверху?

Под тёмной полосой лежал жирный почти чёрный грунт. Над ней — пыльная серая земля толщиной в две ладони.

— Каждый год без разлива ветер приносит песок, — продолжила Верена. — На третий год перестал родиться лён. На шестой ушла рожь. Теперь сажаем репу в ямы со старым илом. Когда ямы кончатся, уйдём и мы.

Ярина опустилась на корточки. Разломила ком серой земли. Внутри не было ни червя, ни живого корешка. Рядом в чёрном слое под пальцем шевельнулось бледное насекомое.

Вот что означала шестая доля. Не вода, запёртая за стеной, а двенадцать весен, не дошедших сюда. Урожай, которых не собрали. Дома, вычеркнутые из переписи. Люди, вынужденные просить дорогу через селения, чей достаток оплачивался их сухой землёй.

И всё же тридцать четыре погибших не исчезали от запаха плодородного ила.

— Покажите низину, — сказала Ярина.

— Запор не выдержит прогулки.

— Тогда открываем одну пядь и идём за водой.

Радан снял с ворота железную серьгу.

— Рукоять унесли.

Верена кивнула на вилы.

— Этими можно повернуть один раз. Обратно погнёшь.

— У Данко есть воротная скоба, — сказала Ярина. — Но пока он принесёт...

Снова ударило. Средний брус выгнулся.

Она вынула нож Радана и вставила рукоять в пустое гнездо ворота.

— Сломаешь, — сказал он.

— Тогда перестанешь требовать вернуть.

Радан накрыл её пальцы своими, не сжимая.

— На счёт три. Одну пядь. Если почувствуешь, что знак тянет память, отпускай.

— Я решу, когда отпускать.

— Поэтому предупреждаю, а не приказываю.

Верена вставила древко вил с другой стороны. Они повернули вместе.

Сначала не произошло ничего. Потом глина лопнула по краю, и створка поднялась на ширину ладони. Вода вырвалась плоским прозрачным языком. Ударил Радана в голень, обогнула сапоги Ярины и побежала по ложу.

Знак в её ладони вспыхнул.

Вода требовала привычного: удержать, назвать, заплатить. Ярина стиснула зубы и не произнесла ни слова. Нож дрожал в гнезде. Радан чувствовал эту дрожь через её руку.

— Отпусти рукоять, — сказал он.

— Створка упадёт.

— Я держу.

— Один не удержишь.

Верена переставила древко и упёрлась плечом.

— Теперь удержим.

Ярина разжала пальцы. Радан принял весь вес ворота, качнулся, но остался стоять. Вода продолжала идти. Знак болел, однако память не отдала ей ни одного образа.

Они не просили её быть единственной опорой.

Эта простая мысль оказалась почти невыносимой.

— Четверть часа, — напомнила она.

Верена крикнула мальчику, уже поднявшемуся на дальний склон:

— От первого касания у межевого вяза!

Они пошли следом за ручьём. Радан остался у запора с вилами, пока Верена не прислала двух мужчин. Потом догнал Ярину у первого изгиба.

За насыпью овраг расширился. Снег лежал ровно, но вода находила невидимые борозды и разбегалась на десятки тонких струек. Там, где они проходили, белая корка оседала. Показывались гряды, остатки плетней, низкие стволы яблонь.

— Сад? — спросила Ярина.

— Был общим, — ответила Верена. — После запора деревья сохнут сверху. Мы закапываем ветви в снег, чтобы дожили до весны, которой здесь нет.

Вода коснулась крайней яблони. По чёрной коре побежал блеск. Конечно, дерево не могло ожить за один миг, но ветка под рукой Ярины оказалась гибкой. На её конце набухла крошечная почка.

Дальше стояли семь домов. Не землянки изгнанников, какими их рисовали рассказы круга, а крепкие срубы на высоких основаниях. К каждому вела канавка старого орошения. Люди выводили коз, несли детей, гасили снегом угли в печах. Никто не кричал. Они делали это так, словно репетировали каждую зиму.

У первого дома старуха сидела на санях и бранила двух мужчин, которые пытались поднять её вместе с сундуком.

— Сундук останется, — сказала Верена.

— Там рубахи моих дочерей.

— Вода не дойдёт до пола.

— Так говорили двенадцать лет назад.

Радан остановился. Старуха увидела его и замолчала. Потом протянула руку.

Он подошёл, опустился перед санями на колени. Она коснулась его щеки, провела большим пальцем под глазом.

— Вернулся всё-таки.

— Ненадолго, тётка Мира.

— Все вы так говорите.

Её взгляд переместился на Ярину.

— Ладина дочь?

— Да.

— Похожа, когда сердится. А когда боится — на отца.

Ярина сделала шаг ближе.

— Вы знали моего отца?

Радан резко поднялся.

— Сейчас не время.

— Ты не будешь решать, когда мне слышать о нём.

— А ты не будешь спрашивать память у человека, которого через четверть часа снова погонят из дома.

Старуха ударила его по плечу рукавицей.

— Не рычи за меня. Я ещё сама умею.

Она посмотрела на Ярину.

— Знала. Он пришёл после воды, когда верхние уже считали погибших, а нас ещё не начали. Спросил, почему четвёртый колокол звучит раньше третьего. Я сказала: потому что ваша плотина слышит украденное раньше своего.

— Что украли?

— Оттепель.

Ярина ждала продолжения.

— Не воду, девочка. Воду можно вернуть. Оттепель — это время, когда земля сама выбирает, что принять, а что пропустить. Вы стали решать за неё. Заодно и за нас.

Один из мужчин потянул сани.

— Мира, едем.

— Погоди. — Старуха вынула из-под тулупа маленький глиняный сосуд с восковой крышкой. — Твой отец оставил. Велел отдать Хозяйке, которая придёт сюда не с писцом и стражей.

Ярина протянула руку, но Радан перехватил сосуд.

— Не здесь.

— Это оставлено мне.

— Внутри водная память. Откроешь без трёх вод — услышишь обрывок и испортишь остальное.

Он не спрятал сосуд, а положил ей на ладонь. Глина была тёплой.

— Ты знал о нём?

— Знал, что отец оставлял следы. Не знал где.

Ответ прозвучал правдиво и всё равно был не всей правдой. Ярина убрала сосуд за пазуху.

Со стороны запора донёлся свист.

— Время! — крикнул мальчик у межевого вяза.

Ярина обернулась. Ручей уже дошёл до края огородов. Вода растекалась тонко, не выше щиколотки, впитывалась жадно. Серый верхний слой темнел. Там, где течение задерживалось, поднимались пузырьки воздуха.

— Закрываем, — сказала она.

Верена встала поперёк дороги.

— У дома уровень упал?

— Мы не знаем.

— Тогда зачем закрывать?

— Потому что четверть часа была условием вашего согласия.

Женщина отступила. Не благодарила, но её лицо изменилось: в нём стало меньше ожидания обмана.

Они побежали обратно. У запора двое мужчин держали вилы, Радан взялся за нож. Вода давила сильнее. Чтобы опустить створку на одну пядь, пришлось навалиться вчетвером.

Нож треснул у самой гарды.

Створка упала. Последняя струя прошла под ней и стала тонкой, как шнур.

Радан посмотрел на обломок в руке Ярины.

— Я был к нему привязан.

— Переживёшь утрату.

— Не уверен. Он резал ваши соляные узлы лучше, чем хлеб.

Она неожиданно для себя рассмеялась — один короткий звук, больше похожий на выдох. И сразу вспомнила материнский смех: негромкий, с хрипотцой, ладонь у губ. Образ был цел. Пока цел.

Радан тоже улыбнулся, но первым отвёл взгляд.

По оврагу бежал Данко. За ним спускались плотинчики с воротной скобой.

— У дома вода ушла ниже подвальной ступени, — сказал он, задыхаясь. — Слив принимает всё, что проходит через старый шов. Я поставил щит, оставил проход в две ладони, как вы велели.

Он увидел раскрытую землю за запором.

— Здесь не должно быть русла.

— Оно есть, — сказала Ярина.

— На рабочем плане нет.

— Принеси старый.

— Старые планы в нижнем архиве плотины. На них печать круга.

— Теперь будет моя.

Данко посмотрел на людей шестого берега, потом на знак Лады на столбе.

— Запор ставил мой мастер. Меня сюда не брали.

— Теперь возьмут. Осмотри створку. Она должна открываться и закрываться без магии.

— Хозяйка, круг приказал готовить вечный запор.

— Круг готовит материалы. Решение не принято.

— Милолика скажет иначе.

— Пусть скажет мне.

Данко провёл пальцами по треснувшей глине.

— До рассвета починю ворот. Но если напор усилится, одной створки мало.

— Сколько нужно, чтобы вывести семь домов?

— Людей — час. Скот и зерно — до полудня.

— Значит, до полудня этот ручей не открывать больше одной пяди без предупреждения берега.

Верена подошла ближе.

— А после полудня?

Ярина посмотрела на тёмную полосу земли, прорезавшую снег. За четверть часа вода оставила блестящий след до самых огородов. Этого не хватит ни саду, ни полю. Но хватит, чтобы круг назвал произошедшее нападением меженников.

— После полудня решение примут те, чьи дома стоят по обоим концам воды.

— Пять голосов нас не признают.

— Тогда им придётся услышать шестой.

Радан поднял голову. В его взгляде не было торжества. Только усталое внимание человека, который слишком долго ждал правильных слов и привык проверять, что следует за ними.

— Ты ещё не знаешь имени берега, — сказал он.

— Ты назвал половину.

— Половину, которой открывают путь. Вторая закрывает его, если вода становится опасной. Её хранит община.

— Верена?

— Нет, — ответила женщина. — Дети.

Мальчик у вяза замер.

— Потому что им жить после нашего решения, — продолжила она. — Каждый год имя учат новые трое. Ни круг, ни проводник не может забрать его целиком.

Ярина почувствовала вес глиняного сосуда за пазухой. Отец знал этот порядок. Возможно, пытался вернуть его. Возможно, именно поэтому его имя выскоблили из книги рода.

Сверху, со стороны хранительского дома, ударил колокол.

Один раз.

Данко нахмурился.

— Это не тревога. Это зов круга.

Второго удара не последовало.

На гребне оврага появилась Злата. Она сбежала по склону, едва не упала, удержалась за куст. Синий платок был повязан поверх волос — тот самый, тёмный, как вода перед грозой.

— Ярина! Милолика привела старост. Они начали класть камень в главный шов.

— Без меня обряд не завершат.

— Они сказали, Хозяйка уже назвала то, что сохраняет. Им нужен только твой знак.

Ладонь Ярины обожгло холодом. По разрезу проступила белая линия. Пять голосов снова тянулись к ней через воду, пытаясь превратить намерение в согласие.

Ручей под створкой остановился.

Не иссяк — застыл на ходу. Лёд пополз вниз по ложу, к чёрной земле. Там, где он проходил, блестящая почва серела.

Верена выругалась и схватила вилы.

— Ваш запор добрался сюда.

Ярина прижала ладонь к груди. Если вернуться к дому и просто оттолкнуть пять голосов, напор ударит в старый шов. Если принять их, Зимник снова отнимет у шестого берега весну — на этот раз навсегда.

— Радан, ты можешь открыть ручей против связи круга?

— Могу сорвать створку. Тогда вода возьмёт дома раньше, чем люди уйдут.

— Я спрашиваю не о разрушении.

Он подошёл к ледяному краю, присел, коснулся его двумя пальцами.

— Нужна клятва над тремя водами. Моя — провести только до сухих озёр. Твоя — удержать обратный напор только до выхода людей из низины.

— Общая клятва?

— Две отдельные. Если один нарушит, второй сможет остановиться.

Злата подняла костяной гребень.

— Снег есть. Течение подо льдом. Пар возьмём из фонаря.

Ярина посмотрела на неё.

— Ты должна вернуться наверх.

— Чтобы вы снова решили, кого спасти моим именем?

В голосе сестры не было обиды. Только граница, ясно проведённая там, где Ярина привыкла видеть обязанность защищать.

— Нет, — сказала Ярина. — Чтобы предупредить людей у дома. Но сначала останься свидетелем.

Она повернулась к Верене.

— Ваш берег согласен принять воду до сухих озёр и вывести семь домов?

— На одну ночь, — ответила женщина. — До утреннего схода. Не навсегда и не от имени тех, кого здесь нет.

— Этого достаточно.

Лёд уже достиг первой яблони.

Радан снял перчатку. На его ладони темнели свежие пустые линии — места воспоминаний, отданных чужим руслам. Он протянул руку не к Ярине, а к воде между ними.

— Если начнём, круг объявит тебя изменницей.

— Если не начнём, я стану Хозяйкой земли, у которой украла тринадцатую оттепель.

— Двенадцатую, — сказал Данко.

Ярина посмотрела на серую почву, проступившую под снегом.

— Первая была тогда, когда им велели уйти на три года и уже знали, что не вернут воду. Просто они ещё не успели её сосчитать.

Радан медленно кивнул.

Злата поставила фонарь на землю и открыла заслонку. Над огнём задрожал воздух. Верена зачерпнула воду из-под льда. Данко принёс чистый снег с края насыпи.

Три состояния одной реки оказались рядом.

Со стороны Зимника донёсся второй удар колокола.

На этот раз ему ответил лёд под ногами.

Глава 5. Клятва на трёх водах

Лёд ответил колоколу треском.

Трещина прошла между сапогами Ярины, раздвинула белые края и тут же затянулась прозрачной коркой. Под ней вода неслась к шестому берегу — слишком быстро для ручья, слишком тихо для прорыва.

— Начали без знака, — сказал Данко. — Камнем давят главный шов. Вода ищет, куда уйти.

— Значит, клятва сейчас, — Радан опустил у трёх мисок, которые успела поставить Верена. — Пока течение ещё различает берега.

В первой лежал снег с чистого склона. Во второй темнела вода, взятая из-под льда. Третью Злата держала над открытым фонарём; медная чашка нагревалась, и над ней вился пар.

Ярина протянула руку к воде.

Радан перехватил её запястье, но сразу разжал пальцы.

— Сначала пределы.

— Мы их назвали.

— Назвали друг другу. Река услышит то, что мы сумеем не присвоить.

Лёд под створкой побелел. От него к яблоням побежали тонкие жилы инея. На дальнем склоне люди тянули сани к Каменной гриве, но у крайнего дома ещё метались козы, а у плетня трое детей спорили с Мирой. Те самые, подумала Ярина. Хранители второй половины имени.

— Говори свою, — сказала она.

Радан взял пригоршню снега. На ладони остались тёмные линии утраченных воспоминаний.

— Я, Радан Межень, проведу воду от этого запора до сухих озёр. Не поверну её к жилью, не возьму чужой голос за согласие и остановлюсь, если берег отзовет разрешение. Моё умение не делает русло моим.

Снег между его пальцами не растаял. Он опустил его в миску с течением. Вода вздрогнула, поднялась по коже до запястья и застыла тонким браслетом.

— Теперь ты.

Ярина посмотрела на людей в овраге. Если назвать семь домов, клятва могла решить, что остальное не имеет цены. Если назвать весь берег, она снова пообещает за тех, кого не спросила.

— Я, Ярина Ветлица, удержу обратный напор, пока люди, скот и зерно семи зимних дворов не выйдут из низины. Не закреплю лёд после их выхода, не назову спасение правом на их землю и отпущу воду, когда Верена скажет, что путь свободен. Моя сила не делает чужую безопасность моим решением.

Она коснулась пара. Жар обжёг порез на ладони, но знак Хозяйки отозвался холодом. Пар собрался в каплю, повис между пальцами и упал в миску.

Две клятвы лежали рядом и не смешивались. Вода у Радана потемнела, у Ярины покрылась молочной плёнкой.

— Свидетель? — спросил он.

Злата поставила чашку на снег.

— Я слышала оба предела. Если один назовёт волю другого своей, клятва кончится.

Верена добавила:

— Берег принимает воду до сухих озёр и только до утреннего схода. Я отзову согласие, если течение войдёт в жилой двор.

Радан кивнул, будто именно этого и ждал.

— Открываем створку на две ладони.

— Я велела одну, — сказала Ярина.

— При одной напор вернётся под дом.

— При двух снесёт первую канаву.

Данко уже стоял на коленях у ворота, ощупывая треснувшую глину.

— Не снесёт, если поднять не сразу. Пол-ладони, потом ещё пол. Четыре раза.

Верена сунула ему воротную скобу.

— Тогда считай вслух.

Они взялись за рычаги. Радан встал к нижнему краю створки, Ярина — у ледяного языка. Ей хотелось приказать всем отойти, но клятва уже показала цену такого желания: безопасность, объявленная сверху, слишком легко становилась запором.

— Первая, — сказал Данко.

Створка поднялась. Из щели ударила вода, тёмная от ила. Радан провёл ладонью над потоком, не касаясь его. Русло дрогнуло и легло в старую борозду.

Ярина почувствовала движение не знаком на коже — глубже, будто холодная нить протянулась вдоль костей. Вода толкнулась в сторону домов. Она не остановила её, только приподняла ледяной край у поворота. Поток сам выбрал низкую канаву.

— Вторая.

Напор усилился. У Ярины заложило уши. За шумом проступил чужой пульс: быстрый, уверенный, с внезапными провалами. Радан обернулся к ней.

— Не тани на себя.

— Я не тяну.

— Тогда почему я чувствую твой знак?

Она хотела спросить то же самое. Внутри его клятвы было не слово и не мысль, а точное ощущение уклона: справа земля принимала воду, слева под снегом лежала мерзлая глина. На миг Ярина увидела русло так, как видел его он — сетью возможных путей, ни один из которых не принадлежал проводнику.

— Потому что три воды коснулись обеих клятв, — сказала Злата. — Вы связали не обещания. Вы связали слух.

— Потом разберёмся, — отрезала Ярина. — Третья.

Данко налёг на скобу.

Из главного шва пришёл удар.

Земля под запором поднялась, словно кто-то снизу толкнул её плечом. Ворот вырвало из рук. Створка взлетела сразу на всю ширину, и чёрная вода обрушилась в овраг.

Радан шагнул ей навстречу. Ярина почувствовала его решение раньше, чем увидела: он собирался повернуть весь поток к сухим озёрам одним движением, заплатив памятью за каждую лишнюю сажень.

— Нет! — крикнула она.

Он остановился. Не потому, что она приказала. Потому что её страх дошёл до него по общей нити и оказался не страхом перед водой — страхом снова позволить одному человеку стать плотиной.

— Тогда дай ей три пути!

Ярина ударила ладонью по ледяному краю. Не стену. Гребни.

Из промёрзшей земли поднялись три невысоких ребра. Первое направило воду в оросительную канаву, второе — по старому руслу, третье отвело избыток к пустой ложбине. Лёд сразу начал крошиться: слишком тёплым был поток.

Радан вошёл по колено в воду и развёл руки. Он не тащил русла за собой, а показывал им уклон. Ярина чувствовала каждое место, где течение сопротивлялось: корни яблонь, обвалившийся плетень, камни прежней межи. Чувствовала и цену Радана — на дне его памяти открывались пустые места, готовые принять плату.

- Ни одного воспоминания, — сказала она.
- Тогда удерживай гребни.
- До выхода людей. Не дольше.
- Я слышал твою клятву.

Вода добралась до первого двора и обогнула его по канаве. Верена побежала вдоль потока, выкрикивая людям направление. Злата осталась возле фонаря, обеими руками удерживая миски, хотя клятва уже ушла из них.

С гребня оврага донёлся третий удар колокола.

Ледяные рёбра Ярины разом потяжелели. Пять голосов наверху давили на знак, требуя закрыть всё, что не названо Зимником. Перед глазами мелькнуло лицо матери — не воспоминание, а край воспоминания, уже готовый исчезнуть.

Ярина убрала ладонь.

Первый гребень осел. Вода перелилась через него, но вместо домов пошла по бороздам сада.

- Ты отпустила, — удивился Данко.
- Он был лишним.

Река не обязана была держаться только потому, что Ярина уже потратила силу.

Крик раздался у крайнего плетня.

Трое детей, которые спорили с Мирой, исчезли. На месте тропы бурлила вода. Старуха стояла на саях и показывала вниз.

— В погреб! Они за мешками полезли!

Верена побледнела.

— Там нижний лаз. Его затопит первым.

Радан рванулся к дому. Общая нить обожгла Ярину: под полом была тесная каменная яма, вход со двора уже заливало, а другой выход упирался в старую оросительную трубу. Он не мог знать этого глазами. Река принесла обоим одну и ту же форму пустоты.

— Стой! — Ярина побежала следом. — Через двор не успеем.

— Труба слишком узкая.

— Для тебя.

Они добежали до яблони. У корней вода закручивалась и уходила под землю.

— Здесь, — одновременно сказали они.

Радан опустил, разгреб снег и ил. Под корнем обнаружилась каменная плита с круглым отверстием. Из темноты донёлся кашель.

— Мы здесь! — крикнул детский голос.

— Назовите себя, — потребовала Ярина.

— Нельзя! — отозвался другой голос. — Верена запретила чужим!

Хранители имени. Даже в затопленном погребе они берегли половину берега.

— И не надо, — сказал Радан. — Скажите, сколько вас и кто ранен.

— Трое. Левша ногу прищемил.

— Как далеко вода?

— Уже по пояс.

Ярина сунула руку в отверстие. Камень был покрыт льдом изнутри. Она могла расширить его, но тогда свод погреба принял бы весь напор.

— Нужно увести воду из трубы, — сказала она.

— Я поведу.

— Ты связан сухими озёрами. Это в стороне.

— Тогда не могу.

Он произнёс это без попытки обойти собственную клятву. Ярина почувствовала его ярость — не на неё, на предел, который минуту назад спасал их от произвола, а теперь мешал. Рядом с яростью было другое: готовность не нарушать слово даже ради правильного дела.

— Верена! — крикнула Ярина.

Женщина уже бежала к ним.

— Разреши проводнику отвести воду от нижнего лаза до старой канавы. Только эту ветвь.

Верена посмотрела на тёмный водоворот.

— Разрешаю до выхода троих. Потом ветвь вернуть.

Нить между Яриной и Раданом ослабла, пропуская новое условие.

Он лёг грудью на мокрую землю и опустил обе руки в поток. Вода у корней замедлилась. Не остановилась — разделилась, потекла в обход плиты.

— Теперь камень, — выдохнул он.

Ярина заморозила влагу в трещинах плиты. Лёд расширился, камень хрустнул и распался на четыре части. Данко и Верена оттащили обломки.

Отверстие стало шире, но наружу хлынул грязный поток.

— Я держу минуту, — сказал Радан.

Ярина просунулась в трубу. Плечи застряли. Она выдохнула, повернулась боком и поползла на локтях. Камень царапал тулуп. Впереди плакал ребёнок, сердито и тихо, словно стыдился каждого всхлипа.

Труба вывела под свод погребов. Вода доходила Ярине до груди. На полке сидела девочка лет десяти и поддерживала мальчика помладше. Третий, самый высокий, стоял у лестницы; ступень прижала ему сапог к стене.

— Кто пролезет первым? — спросила Ярина.

— Маленький, — ответили двое старших.

Она подхватила мальчика. Он обвил её шею, но тут же отстранился.

— Я сам.

— Тогда ползи впереди. На выходе тебя примут.

Он исчез в трубе. Девочка полезла следом.

Ярина подошла к лестнице. Дерево разбухло. Если заморозить воду вокруг сапога, можно было освободить ногу, но холод ударил бы по мальчику.

— Как тебя звать?

Он сжал губы.

— Не полное имя. То, которым можно позвать из воды.

— Левша.

— Левша, я сломаю ступень. Будет больно.

— Я знаю.

Она упёрлась плечом в лестницу. Дерево не поддавалось. По общей нити пришла усталость Радана и точное ощущение: поток снова находил вход в трубу.

— Сейчас! — донёсся его голос.

Ярина ударила рукоятью гребня по ступени. Раз. Второй. На третий дерево треснуло. Левша вскрикнул, выдернул ногу и едва не ушёл под воду.

Она вытолкнула его к трубе.

— Ползи.

— А ты?

— За тобой.

— Врёшь. Вода быстрее.

Ярина слышала в его голосе не детский страх, а знание тех, кому слишком часто обещали вернуться потом.

— Тогда будем ползти вместе.

Он пошёл первым, она удерживала его повреждённую ногу на ладони. Вода поднялась до подбородка. Из трубы дохнуло течением.

Радан больше не мог держать ветвь.

Ярина почувствовала, как он ищет память для платы. Ближе всего лежал смех какой-то женщины у костра. Он уже касался пустоты.

Не смей, подумала Ярина — и не сказала вслух.

Нить дрогнула. Радан услышал.

Вместо памяти он отдал реке путь: отпустил дальнее русло к озёрам. Вода там разлилась по ложбине, а из трубы на миг отхлынула. Этого хватило.

Левшу вытащили первым. Ярина выбралась следом и упала на снег. Верена прижала мальчика к себе, ощупала ногу и закричала на него так яростно, что он улыбнулся.

— Мешки, — пробормотал он. — Там семена.

— Пусть тонут.

— До весны других нет.

— Будут, если ты доживёшь.

Она поднялась и повернулась к Ярине.

— Трое вышли. Отзываю ветвь.

Радан закрыл глаза. Вода перестала обходить плиту и вернулась в старую канаву. Нить между ним и Яриной натянулась так резко, что оба пошатнулись.

Теперь Ярина чувствовала реку не только там, где касалась её силой. Под снегом, под домами, под самой плотиной вода искала выходы. Где-то наверху пять голосов вминали камень в главный шов. Каждый удар отдавался у неё во рту привкусом железа.

Радан вытер кровь из носа.

— Ты тоже слышишь?

— Главный шов.

— И сухие озёра.

Она прислушалась. Далеко за оврагом вода входила в пустые чаши земли. Первая принимала её легко. Вторая была забита старым илом. Третья... третья отзывалась глухим человеческим стоном.

Ярина посмотрела на сосуд за пазухой.

— Это он?

Радан не притворился, что не понял.

— Не знаю.

Ложь отозвалась в общей нити провалом.

Он ощутил, что она его поймала, и отвернулся.

— Ты знаешь этот отклик.

— Знаю похожий.

— Чей?

— Твоего отца.

За спиной Верена считала людей. Данко закреплял створку цепью. Злата помогала Мире спуститься с саней. Мир вокруг продолжал двигаться, но Ярина слышала только третье сухое озеро и неровное дыхание Радана.

— Ты говорил, что не знаешь, где он оставил память.

— Не знал. Сосудов было несколько. Следов — больше.

— И сколько из них ты скрыл?

— Один.

Общая чувствительность не позволяла принять удобное слово за целую правду. За его ответом стоял образ: мокрая деревянная бирка, выскобленное имя, мужская рука, отдающая что-то мальчику. Радан захлопнул воспоминание, но поздно.

Ярина поднялась.

— Ты видел моего отца.

— Я видел его последнее обещание.

— Это не одно и то же.

— Поэтому и молчал.

Она ударила бы его, если бы он попытался оправдаться. Он не пытался.

Сверху донёлся четвёртый звон.

На этот раз колокол ударил не под домом и не на гребне. Звук пришёл из глиняного сосуда у сердца Ярины.

Восковая крышка покрылась инеем. На ней проступили буквы — не имя, а пустая полоса, словно их только что выскоблили ножом.

Одновременно на ладони Радана побелела одна из тёмных линий.

Он вздрогнул.

— Камень лёг на его обещание.

— Чьё?

— Твоего отца. Если круг закроет главный шов, имя исчезнет не только из книги. Вода забудет, кому должна вернуть голос.

Ярина вынула сосуд. Внутри что-то ударилось о стенку — один раз, потом второй.

— Открываем.

Радан посмотрел на миски. Снег в первой растаял. Вторая была опрокинута. Над третьей больше не поднимался пар.

— Здесь уже нет трёх вод.

Ярина указала на ручей, на снег у корней и на фонарь Златы.

— Тогда соберём снова.

— Круг почувствует память, как только сломаем печать.

— Пусть. Они уже выскобливают его второй раз.

Верена подошла к ним. За её спиной трое детей стояли рядом: маленький дрожал под чужим тулупом, девочка держала его за плечо, Левша опирался на палку.

— Сначала закончите обещанное, — сказала она. — Все семь дворов вышли. Скот и зерно ещё в низине.

Ярина сжала сосуд.

Отец мог исчезнуть за следующий удар. Люди в овраге могли потерять всё за следующий прорыв. Прежняя Хозяйка выбрала бы память рода и назвала бы это долгом.

— Данко, сколько до зерна?

— Полчаса, если вода останется в трёх руслах.

— Радан?

— Проведу. Без новой платы, если ты удержишь только два гребня.

Она почувствовала: это правда.

— Тогда сосуд ждёт полчаса.

Пятый удар не прозвучал.

Но под воском медленно, настойчиво скреблось забываемое имя.

Глава 6. Имя, которого нет

До зерна добрались не за полчаса.

Первый ледяной гребень осел, когда из крайнего хлева вывели коров. Они не хотели ступать в воду: упирались, рвали верёвки, белели глазами. Течение било им в колени и несло прошлогоднюю солому. Верена шла первой, держа за недоуздок рыжую корову с обломанным рогом, и ругалась с ней так, будто вокруг не рушилась земля, а наступило обычное утро.

— Марена, ещё раз сядешь — оставлю тебя кругу вместо шестой чаши.

Корова переставила копыто. За ней двинулось всё стадо.

Ярина стояла по пояс в талой жиже у развилки и удерживала два гребня. Не стену — два косых ребра, которые не запрещали воде идти, а не давали двум потокам столкнуться у домов. Разница казалась малой, пока она не почувствовала её собственным телом. Стена требовала приказа и памяти. Гребень требовал внимания: лёд крошился, течение находило слабые места, и каждое приходилось исправлять отдельно.

Радан шёл ниже, между руслами. Он не оборачивался, но Ярина знала, когда он ступал на твёрдое дно, а когда под сапогом раскрывалась яма. Общая нить передавала не мысли, а решения раньше движений. Вот он собирался отвести левую ветвь от амбара. Вот остановился, потому что согласие Верены касалось только пути к сухим озёрам. Вот поднял руку и ждал.

— Там водосброс за плетнём, — крикнула Верена. — Открывай до каменной канавы. Дальше не твоё.

Радан коснулся воды. Поток отпрянул от амбарной стены и пошёл под плетень.

На гребне появилась длинная синяя трещина.

Ярина опустила ладонь. Холод вошёл под ногти. На миг ей предложили лёгкий путь: назвать Злату, протянуть её имя через лёд и заставить гребень стоять. Знак Хозяйки знал этот путь лучше самой Ярины. Он помнил сотни зим, когда живой человек становился распоркой просто потому, что его любили достаточно сильно.

Она отняла руку.

— Данко! Бревно поперёк правой ветви!

— Его снесёт.

— Значит, привяжите к двум саням. Лёд нужен на три минуты, не навсегда.

Данко свистнул людям. Двое мужчин вывернули ворота пустого загона, ещё четверо подтащили сани. Вместо одного вечного запора получилась уродливая связка из брёвен, верёвок и человеческих рук. Она прогнулась под напором, но приняла часть воды. Ярина сузила ледяной гребень и почувствовала, как знак на ладони перестал искать плату.

Из амбара вынесли первые мешки.

Зерно передавали цепочкой. Намокшие мешки были тяжелее людей, которые их тащили. Левша, несмотря на распухшую ногу, сидел на верхних санях и считал вслух. После двенадцатого сбился, начал заново и никому не позволил помочь.

— Зачем всё? — крикнула Ярина Верене. — Нижние уже мокрые. Оставьте половину.

— Нижние на еду, верхние на посев.

— Как различить?

— Мы различаем.

Ярина хотела приказать. Слово уже поднялось к горлу — короткое, удобное, хранительское. Но шестой берег не просил её решать, что ему понадобится весной. Она посмотрела на Верену.

— Сколько времени нужно на верхние?

— Десять мешков.

— У вас пять минут.

— У нас столько, сколько выдержат твои гребни.

— Они выдержат пять.

Верена кивнула и сама встала в цепочку.

Сверху, от главного шва, пришёл глухой толчок. Не звон — камень лёг на камень. В сосуде за пазухой что-то царапнуло глину.

Радан резко повернул голову. Ярина ощутила его страх, слишком быстрый и личный для проводника, который привык мерить опасность руслами.

— Сколько камней осталось? — спросила она.

— Если кладут старым порядком — два до замыкания.

— Ты был там, когда замыкали прежде?

— Был у нижнего шва.

— С моим отцом?

Он не ответил. Поток у его ног ударился о камень и разошёлся мутным веером.

— Не сейчас, Ярина.

— Ты всё время выбираешь время за меня.

— Сейчас я выбираю не утопить их семенной запас.

Общая нить подтвердила: это не уловка. Он действительно удерживал в ощущении каждый изгиб пути до сухих озёр. Но рядом с этим знанием лежало другое, закрытое так плотно, что от него в нити оставалась холодная пустота.

Ярина вернулась к гребню.

На четвёртой минуте верёвка лопнула. Ворота загона развернуло, правую ветвь бросило к саням. Данко успел перерубить вторую привязь, прежде чем связка потащила людей за собой. Бревно ударило в ледяное ребро.

Гребень треснул до основания.

Вода пошла на амбар.

Ярина не стала замораживать поток. Она ударила костяным гребнем по земле, прорезав в снегу косую линию к уже затопленному огороду. Слишком мелко. Вода перехлестнула царяпину.

Радан двинулся к ней.

— Не входи! — крикнула Верена. — Там нет нашего согласия!

Он остановился посреди шага.

До амбара оставалось пять саженей. Люди бросали мешки на сани. Один упал, развязался, и зерно потекло по воде золотистой полосой.

Ярина посмотрела на деревянную лопату у стены.

— Копайте!

Данко понял первым. Он схватил лопату, Ярина — вторую. Промёрзшая корка ломалась пластами, под ней была мягкая, насыщенная старым илом земля. К ним присоединились Верена, Злата, старики, двое подростков. Даже Мира, держась одной рукой за сани, другой скребла почву печной заслонкой.

Радан не переступил границу. Он стоял в разрешённом русле и удерживал его открытым, чтобы новая канава получила уклон.

Вода коснулась носков Ярины, поднялась до щиколоток и вдруг ухнула в выкопанную борозду. Сначала тонкой струёй, потом всем напором. Пошла через огород, обогнула амбар и влилась в старую канаву за плетнём.

Последний мешок бросили на сани.

— Всё! — крикнул Левша.

Верена пересчитала людей, потом животных. Рыжая корова Марена уже стояла на Каменной гриве и жевала чью-то рукавицу.

— Всё, — повторила Верена тише. Она подняла обе руки, чтобы её видели. — Обещание Хозяйки исполнено. Семь дворов вышли. Живое и посевное вынесено. Остальное отдаём воде.

Слова прошли по руслам.

Ярина почувствовала, как её клятва развязалась. Не оборвалась и не потребовала платы — просто закончилась там, где она сама поставила предел. Ледяной гребень рассыпался прозрачными кусками. Вода заняла освободившееся место, но уже не рванула к домам: выкопанная людьми канава отвела её в сторону.

Радан ждал своего конца дольше. Поток прошёл первое сухое озеро, наполнил второе до старой межи и тонкой широкой лентой лёг на дно третьего. Тогда проводник опустил руки.

— До трёх озёр, — сказал он. — Не дальше.

Вода остановилась не по приказу. Ей просто перестали показывать продолжение.

Его клятва тоже отпустила.

Общая нить между ними осталась.

Ярина надеялась, что после исполнения обещаний чужой слух исчезнет. Вместо этого почувствовала, как Радан проверяет собственную память: огонь у ночной стоянки, мокрые сети, лицо женщины, смеющейся над прожжённым рукавом. Всё было на месте. Он с облегчением прикрыл глаза.

— Не радуйся, — сказала Ярина. — Долг передо мной ты не исполнил.

— Я тебе не клялся.

— Поэтому и можешь говорить правду без магии.

Он посмотрел на сосуд.

Злата уже собирала три воды. Чистого снега у оврага не осталось, и она поднялась к теневой стороне старой груши, где наст не успел напитаться илом. Течение набрала из новой канавы, сперва пропустив воду через льняную тряпицу. Фонарь погас во время спасения, но Мира принесла из верхнего двора горшок с углями.

— В доме суше, — сказала Верена. — Если открывать память, идите туда.

Она показала на единственную избу, стоявшую выше остальных. Вода уже облизывала нижние брёвна, но крыльцо оставалось сухим.

— Ты должна быть свидетелем, — сказала Ярина.

— Я дала согласие руслу, не твоей семье.

— Бирка на воске принадлежит вашей артели.

Верена посмотрела на Радана.

— Какая бирка?

Он вытащил из-за ворота свою деревянную метку: шесть коротких насечек вокруг круга и одна поперечная черта.

— Такая, — ответила Ярина. — Я увидела её через нить, когда он солгал.

— Я не лгал.

— Ты закрыл часть ответа.

— Для проводника это иногда единственный способ не отдать чужое.

— А для Хозяйки единственный способ удержать долину — стереть сестру? — Ярина шагнула к нему. — Удобные у нас ремёсла. Каждое умеет называть насилие обязанностью.

Верена сняла мокрый платок и выжала его.

— Откроем при мне. Если память касается имени берега, она не семейная.

Радан не согласился и не отказался. Он первым вошёл в избу.

Внутри пахло дымом, сушёной мятой и водой, поднявшейся из подпола. На стол поставили три глиняные миски. В первой лежал снег. Во вторую Злата налила течение. Третью поставила над горшком с углями; скоро над ней появился едва заметный пар.

Ярина вынула сосуд.

Восковая крышка стала почти белой. Выскобленная полоса расширилась и пересекла отцовскую метку. Снизу донёлся скрежет — будто по внутренней стенке водили ногтем.

— Если он запечатал память для тебя, услышишь только ты, — сказал Радан.

— Откуда знаешь?

— Открывал другие.

— Его?

Радан сжал челюсть.

Верена встала у двери, перекрыв выход.

— Сначала сосуд, — сказала она. — Потом ответы. Камень ждать не будет.

Ярина коснулась снега и положила крупинку на воск. Потом смочила палец в текущей воде. Пар обнял ладонь. Три состояния сошлись на крышке, но печать не поддавалась.

На воске выступили слова:

Назови того, кому вернуть.

— Имя отца? — спросила Злата.

— Его имя стирают. Оно может не отозваться.

— Назови своё.

Ярина покачала головой. Если память предназначалась ей, сосуд уже знал её.

Радан стоял неподвижно, но общая нить натянулась. Он узнал условие. И боялся не того, что сосуд не откроется, а того, что Ярина назовёт правильно.

Она посмотрела на бирку у него на груди.

— Вернуть не человеку, — сказала Ярина. — Берегу.

Верена выпрямилась.

— У берега нет полного имени, пока дети не сложат половины.

— И не нужно. Отец не мог оставить его целиком одному сосуду. Назови ту часть, которой ваша артель позволяла отмечать принадлежность, но не открывать русло.

— Её выскоблили из всех книг.

— Вода книг не читает.

Верена подошла к столу и накрыла ладонью бирку Радана. Тот хотел отступить, но остался.

— Ветлий круг, — произнесла она.

Ничего не произошло.

Тогда Радан перевернул бирку. На обороте была одна глубокая насечка, похожая на ветвящийся корень.

— Ветлий круг Межени, — сказал он. — Имя пути, не людей.

Воск раскололся.

Из сосуда выплеснулась вода — больше, чем могла вместить глиняная ёмкость. Она не растеклась по столу, а поднялась тонкой стеной. В ней качался свет другого дня.

Ярина увидела нижний архив.

Она узнала его не по месту — никогда там не была, — а по ощущению камня над головой и воды за стенами. Узкий проход уходил под плотину. На полках стояли деревянные короба, на каждом висела бирка речной артели. У одних было шесть насечек, у других пять, четыре, две. Некоторые бирки обуглились по краям.

Перед столом стоял отец.

Не тот мужчина из ранних детских воспоминаний, который подбрасывал Злату к потолочной балке и учил Ярину не бояться весеннего грохота. Этот был худее. Волосы прилипли ко лбу, левый рукав потемнел от крови. Он держал нож для счистки воска.

Напротив него стояла Лада.

Мать была моложе, чем в день смерти, но уже носила знак Хозяйки. На её ладони ледяные линии доходили до запястья.

— Если выскоблишь строку, круг объявит тебя погибшим, — сказала она.

— Если оставлю, они найдут всех, кто отдал мне голоса.

— Милолика обещала суд, не расправу.

— Она обещала сохранить пять селений. Шестое в обещание не вошло.

Отец положил на стол раскрытую книгу. Ярина увидела строку: имя, знак артели, перечень сосудов. Ниже стояли шесть отпечатков мокрых пальцев.

— Когда нижний шов заговорит, ты должна показать это людям, — сказала Лада.

— Нет. Ты покажешь.

— Я связана знаком.

— А я связан словом. Разница только в том, что свою ошибку я выбрал сам.

Он взял нож и начал соскабливать собственное имя.

Каждое движение отдавалось в сосуде звоном. Стружка падала на стол и превращалась в капли. Под именем открылась вторая запись, сделанная более старыми чернилами:

Свидетель удерживается до возвращения исключённого голоса.

Лада отшатнулась.

— Ты знал?

— Узнал сегодня. Плотина держит не воду. Она держит всё, чему круг не позволил завершиться.

— Если останешься свидетелем, Зимник возьмёт тебя в память.

— Не сразу. Пока сосуды разделены, я смогу выйти.

— А если их соберут?

Отец посмотрел не на Ладу, а прямо на водяную стену — туда, где много лет спустя стояла Ярина.

— Тогда тот, кто хранит последнее, должен решить, вернуть мне его или отпустить без него.

Изображение дрогнуло.

В проходе появился мальчик лет двенадцати. Мокрые волосы падали ему на глаза. На шее висела слишком большая бирка с шестью насечками.

Радан.

Он прижимал к груди маленький пузырёк из мутного стекла.

— Все пути закрыты, — сказал мальчик. — Верхний затвор уже связали.

Отец Ярины опустился перед ним на колено.

— Тогда понесёшь один.

— Я ещё не проводник.

— Поэтому вода не потребует платы. Только не открывай, пока шестой берег не сможет назвать себя сам.

— Что внутри?

— День, когда я выбрал вернуться домой.

Водяная стена потемнела.

Ярина увидела обрывки: летнее крыльцо, две детские рубахи на верёвке, Лада, заснувшая над книгой, маленькая Злата с деревянной ложкой в кулаке. И себя — десятилетнюю, сердитую, ожидающую у калитки.

Отец смотрел на дом из-за ив, но не входил.

— Если это отдать плотине, — спросил мальчик Радан, — ты забудешь дорогу?

— Я забуду, зачем хотел по ней идти. Дорога останется.

— Это плохой обмен.

— Да.

— Тогда не отдавай.

Отец улыбнулся — устало, без веселья.

— Я уже обещал стать свидетелем. А свидетель должен помнить, ради чего говорит. Возьми это. Если я начну называть долгом всё, что сделал из страха, вернёшь мне день. Если имени уже не будет — разобьёшь пузырёк в текучей воде. Пусть день достанется реке, а не плотине.

Он закрыл ладонь мальчика вокруг стекла.

— И ни дочерям, ни Ладе?

— Никому, пока их слово может стать ключом к запору.

В проходе ударил колокол.

Лада схватила мужа за плечо.

— Они идут.

Он вырвал из книги страницу с выскобленной строкой и вложил её в глиняный сосуд.

— Нижний архив, третий короб под пустой биркой, — быстро сказал он. — Там список всех обещаний. Не имён — условий. Если замкнут главный шов, искать надо от воды. Сухой вход запечатают.

— Ты идёшь с нами.

— Я задержу память.

— Нельзя задержать память.

— Можно дать ей имя, которого нет.

Вода рухнула на стол.

Злата вскрикнула и успела подхватить пустой сосуд. Миски опрокинулись. Снег, течение и горячая вода смешались на досках.

Ярина стояла, вцепившись пальцами в край стола. Перед глазами ещё держалось лицо девочки у калитки. Она помнила тот день. Помнила, как прождала до темноты, как Лада сказала, что отец погиб на нижней переправе, как Ярина от злости сломала приготовленную для него свистульку.

Теперь у ожидания появилась другая сторона: он был за ивами. Он видел дом. Он выбрал не войти.

— Ты хранишь этот день, — сказала она.

Радан не отвёл взгляда.

— Последнее целое воспоминание твоего отца.

— Где пузырёк?

— В месте, которое не откроется ни Хозяйке, ни проводнику поодиночке.

— Снова удобный предел?

— Его предел. Не мой.

— Ты мог сказать, что он собирался вернуться.

— Тогда ты бы пошла искать его раньше, чем шестой берег получил голос. Твоё имя открыло бы запор. Так случилось с Ладой.

Злата резко подняла голову.

— Что случилось с матерью?

Радан ответил не сразу. По общей нити Ярина почувствовала: он не знает всего и впервые не пытается спрятать границу знания.

— Она нашла один из сосудов. Открыла его своим именем. Главный шов взял воспоминание, но не отдал свидетеля. После этого она поняла, что семейные имена служат плотине ключами.

— И продолжила удерживать её, — сказала Ярина.

— Потому что обратная вода уже шла вверх. Если бы она отпустила всё тогда, шестой берег затопило бы первым. Она искала другой порядок.

Ярина вспомнила нижнюю запись матери: найти имя шестого берега. Не освободить отца. Не вернуть власть. Найти голос, без которого любое правильное действие повторяло старую кражу.

Верена подняла мокрую страницу, выпавшую из сосуда. Большая часть чернил расплылась, но внизу сохранился знак: три короба и волнистая черта под третьим.

— От воды, — сказала она. — В нижний архив есть затопленный ход из третьего озера.

Радан посмотрел на неё.

— Его завалили после изгнания.

— Сухой завалили. Водяной никто из вас не проверял, потому что проводникам запретили входить в долину, а Хозяйки не умели слушать русло.

Снаружи раздался удар.

На этот раз изба вздрогнула. С потолка посыпалась труха. В пустом сосуде появилась трещина.

— Предпоследний камень, — сказал Радан.

— Ты утверждал, что осталось два.

— Один уже положили, пока память была открыта.

Ярина взяла страницу. На месте отцовского имени зияла шершавая полоса. Ниже читалось условие, ради которого он позволил воде удержать себя.

Свидетель — не жертва, пока может закончить свидетельство. Круг собирался лишить его этой возможности, стерев того, кому вода должна была вернуть голос. Но и Ярина не могла просто назвать отца и потребовать его обратно: тогда она снова сделала бы семейное имя ключом, а шестой берег — ценой.

— Утренний сход уже не успеет, — сказала Злата.

— Сход состоится, — ответила Верена. — Даже если шов замкнут.

— Тогда будет поздно искать список условий.

Радан снял бирку с шеи и положил рядом со страницей.

— Нижний архив охраняет память артели. Он узнает меня.

— И закроется перед Хозяйкой, — сказала Ярина.

— Возможно.

— А перед теми, кто слышит одну реку двумя способами?

Он посмотрел на неё. Между ними отозвалась нить: холодный камень, тёмная вода, два входа, ни один не достаточен сам по себе.

— Мы не знаем, что сделала клятва, — сказал он.

— Проверим.

— Там вода под плотиной. Если круг положит последний камень, течение переменится.

— Поэтому пойдём сейчас.

— Ярина, — начала Злата.

Она повернулась к сестре. В первый миг захотелось запретить ей идти, велеть остаться на Каменной гриве, подальше от плотины и от имени, которым знак снова мог попытаться заплатить. Но сегодняшний день уже показал цену таких запретов.

— Ты нужна на сходе, — сказала Ярина. — Покажешь страницу и сосуд. Расскажешь только то, чему была свидетелем сама. Решешь идти с нами — я не свяжу тебя приказом. Но в архиве твой голос может стать ещё одним семейным ключом.

Злата провела пальцем по трещине на сосуде.

— Значит, я останусь не потому, что ты меня спрятала. Кто-то должен не дать Милолике назвать вас беглецами до возвращения.

— Мы можем не вернуться до схода.

— Тогда я не дам ей назвать вас беглецами после.

Верена сложила мокрую страницу и убрала за пазуху.

— Я доведу их до третьего озера. Дальше ход принадлежит архиву.

Ярина посмотрела на Радана.

— Где пузырьёк?

— Сначала список условий.

— Нет. Сначала ты признаешь долг целиком.

Он выдержал её взгляд.

— Пузырёк спрятан в третьем коробе под пустой биркой. Рядом со списком. Я перенёс его туда после смерти Лады, когда понял, что прежнее укрытие нашли.

Общая нить осталась ровной. Правда.

— Ты видел мою мать перед смертью?

— Нет. Нашёл след её воды через три дня.

Тоже правда — не вся, но с честно обозначенным краем.

Ярина надела мокрые рукавицы.

— Тогда идём в нижний архив. Заберём не отца и не память. Сначала условия, которые круг прячет под именами.

Снаружи вода уже спадала с огорогов, уходя в сухие озёра. На Каменной гриве ревел скот, дети пересчитывали мешки, люди разводили огонь. Семь дворов потеряли дома на одну ночь, но сохранили право самим назвать утраченное и спасённое.

Над плотиной поднялся скрип ворота.

Последний камень ещё не лёг.

Ярина шагнула в темноту раньше, чем круг успел превратить его падение в закон.

Глава 7. Цена удержания

Третье озеро ещё вчера было сухой чашей, заросшей ломким камышом. Теперь вода стояла в нём до чёрных ольх и вращалась медленно, словно под ней поворачивали огромное жерновое колесо.

Верена остановилась на краю обрыва. Отсюда тропа кончалась: дальше склон уходил под воду, и только верхушки кольев обозначали старую дорогу.

— Архив строили до плотины, — сказала она. — Тогда третье озеро не считалось озером. Здесь проходило русло.

С Каменной гривы донёсся глухой удар. Звук пришёл не по воздуху — поднялся сквозь подошвы, прошёл по костям и отозвался в знаке Хозяйки холодной болью.

Ярина сосчитала вдохи до следующего удара. Семь.

— Подгоняют камень, — сказал Радан.

— Последний?

— Если бы лёг, вода уже не кружилась бы.

Верена сняла с плеча верёвку и привязала один конец к ольхе. Другой протянула Ярине.

— Ход начинается у среднего кола. Под водой найдёте каменную скобу. За ней ступени. Я спущусь до двери, но внутрь не войду.

— Потому что архив не признает тебя? — спросила Ярина.

— Потому что однажды я уже вошла туда без голоса тех, чьи записи охраняла.

Верена сказала это буднично, но пальцы на узле дрогнули. Радан заметил. Ярина почувствовала его внимание по общей нити — тёплый укол под рёбрами, чужой и уже узнаваемый.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.